

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2004

Содержание

1. КАК РУХНУЛ РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ЛЕТОПИСЦЫ КАТАСТРОФЫ
4. ИНОСТРАНКА В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ
5. МАРИЯ КУНЦЕВИЧ
6. ДИАПОЗИТИВЫ
7. О ВОСПРИЯТИИ БРУНО ШУЛЬЦА ВОСТОЧНЕЕ ПЕРЕМЫШЛЯ
8. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
9. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

КАК РУХНУЛ РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

В мае 1989 г. я получал в США «Премию демократии» и по этому случаю встретился с крупнейшими американскими советологами. Я сказал им, что Советский Союз не протянет и двух лет. Они только смеялись и говорили, что это, мол, «wishful thinking», то есть я принимаю желаемое за действительное. Как они могли предвидеть крах тоталитаризма, если им был непонятен механизм этого явления? Впрочем, мы по-прежнему до конца не понимаем того, что случилось за прошедшие полвека, а ведь этот опыт в значительной степени сформировал сегодняшнюю действительность.

Явлению тоталитаризма посвящена обширная литература — достаточно вспомнить хотя бы труды Ханны Арендт или Эриха Фромма. Но эти книги были написаны в определенную историческую эпоху, их авторы сосредотачивались главным образом на нацизме. Вероятно, именно поэтому возникла убежденность, что тоталитаризм может рухнуть только под воздействием внешних сил — как это случилось с Третьим Рейхом.

Что касается крушения советского тоталитаризма, то его не удастся объяснить исключительно воздействием подобных сил. Разумеется, гонка вооружений, технологическое соперничество и пропагандистская борьба оказывали на СССР значительное внешнее давление. Однако эти факторы вносили свой вклад в разрушение «социалистического лагеря» лишь в той степени, в какой оказывали влияние на внутренние силы в этом лагере. Сегодня мы знаем, что ведущие западные политики до последнего момента пытались спасти СССР, тогда как некоторые руководители в Кремле продолжали — быть может, неосознанно — вести свою разрушительную работу.

Победа общественных движений

Каждый общественный уклад в истории человечества, да и в наше время создается общественными движениями, и только они могут его разрушить. Я определяю здесь общественное движение как взаимодействие большой группы людей,

объединенных во имя цели, к которой стремится каждый отдельный ее участник.

Общественные движения — это двигатель любого социального преобразования и основа демократического устройства общества, ибо лишь через них граждане могут воздействовать на политику властей в соответствии со своими стремлениями, а не только выбирать одну из программ, предлагаемых правящей бюрократией. В эпохи, когда общественный уклад переживает кризис, общественные движения можно подразделить на консервативные и новаторские. Первые сосредотачиваются на защите ценностей существующей системы, а вторые ищут новых форм социального сотрудничества. Наиболее эффективным преодоление кризиса может стать компромисс обоих этих направлений: тогда новые формы в наименьшей возможной степени нарушают традиционные ценности.

В ходе II Мировой войны с обеих сторон сражались массовые общественные движения. Германия начала поход за мировое господство. В Польше массы поднялись лишь перед угрозой агрессии. Движение сопротивления продолжало свою борьбу на протяжении всей оккупации, а польское подпольное государство стало уникальным явлением в истории массовых общественных движений.

Советский государственный аппарат боялся любых общественных движений — в особенности тех, которые не мог сокрушить военной силой, — и стремился их подавлять. Именно поэтому в октябре 1944 г. Сталин сдал англичанам сосредоточенное вокруг коммунистов греческое движение сопротивления, после чего англичане интернировали Греческую национально-освободительную армию (ЭЛАС). По тем же причинам Сталин старался сдерживать китайскую революцию.

Идеалы и участие в общественной жизни

И все же освободительные движения во всем мире ощущали себя победителями в этой войне, и сдерживать или хотя бы направлять их было невозможно. С их влиянием приходилось считаться усиливающимся бюрократическим аппаратам власти — как на Западе, так и на Востоке. При этом советский аппарат питал надежду на то, что ему удастся обратить динамику освободительных движений себе на пользу, что в свою очередь вынуждало западные правительства заигрывать с этими движениями.

Опыт рузвельтовского «Нового курса», но также и опыт тоталитарных режимов сформировали новые общественные чаяния, ломающие все стереотипы старого порядка. Именно это было основной причиной принятия ООН в 1948 г. подлинно революционного документа, каким была Всеобщая декларация прав человека. В этом документе провозглашались права и свободы, за которые с XVIII столетия боролись мощные общественные движения в Европе и Северной Америке. Подчеркивая значение демократии и гражданских свобод, декларация провозглашала также, что каждый человек имеет право на труд, на достойное вознаграждение за этот труд и на доступ к образованию. Впервые в истории человечества столь представительное собрание провозгласило в качестве цели общественного сотрудничества идеал такого социального устройства, которое было предметом устремлений каждого духовно свободного индивидуума.

До тех пор на свете не было — и по сей день нет — такого устройства, которое сумело бы воплотить в жизнь этот высокий идеал. Однако тысячи людей во всем мире начали организованно сотрудничать во имя целей, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. Эти устремления, выражавшиеся самыми различными общественными движениями, были связаны с конкретным историческим опытом и местными условиями жизни. Благодаря энергии этих движений восстанавливались разрушенные войной страны, освобождались и порабоощались народы, велась гонка вооружений и «борьба за мир».

Несмотря на раздел мира на два противостоящих военно-политических блока, идеалы общественных движений, охватывавших человечество, сосредотачивались на общих целях. В США и Западной Европе в рамках программы «государства всеобщего благоденствия» создавался общественный уклад, основанный на динамичном экономическом росте, распространении благосостояния населения и социальных гарантиях. Скандинавские страны своим трудом достигли впечатляющего уровня экономического и социального развития, получившего впоследствии название «скандинавской модели социализма». В этих странах Всеобщая декларация прав человека нашла свое наиболее полное до настоящего времени воплощение.

Несомненно, общим успехом конфликтующих между собой общественных движений последнего полувека стало все нараставшее освобождение наций, рас и полов во всем мире.

Все упомянутые здесь программы, в особенности государственные программы эпохи «холодной войны» и связанная с ними гонка вооружений, укрепляли роль бюрократического аппарата, пусть даже по-прежнему контролируемого (во всяком случае — ограничиваемого) общественными движениями. Участники этого аппарата формировали собственные идеалы, руководствуясь собственными групповыми целями и интересами.

Разумеется, в их идеалах были и элементы устремлений любого человека. Поскольку роли, которыми наделяются люди в рамках общественного сотрудничества, в немалой степени связаны с публичной сферой, люди делают эту сферу предметом своих частных устремлений. Таким образом, с одной стороны — в связи с требованием эффективности, главенствующим у личностей, которые характеризуются типажом «человека власти», — люди проявляют сильную тенденцию к независимости от общественного контроля. С другой — их поступками движет забота об «общем благе», они участвуют в общественных движениях, руководят ими и вырастают из них.

Это явление имеет важнейшее значение для всей описываемой здесь эпохи общественных движений, но оно становится центральным для стран советского блока и коммунистических движений. Там бюрократический аппарат руководил массовым движением, сосредоточенным вокруг благороднейших лозунгов и идеалов человечества, воспитанного, как правило, в духе марксизма и, несмотря на все деформации, сохранившего свой плебейско-освободительный характер. Все это, впрочем, со временем обратилось против коммунизма, ибо за каждым словом стоит его подлинное значение и нельзя безнаказанно злоупотреблять такими терминами, как «свобода» или «власть народа».

Левые против сталинизма

Первое в истории коммунистического движения открытое выступление за свободу и против Сталина было начато кадрами югославских коммунистических партизан под руководством Иосипа Броз-Тито уже в начале 1948 года. Экономические санкции, принятые СССР, послужили причиной выхода Югославии из советской сферы влияния, что в результате привело к радикальному ограничению государственной власти за счет усиления системы «рабочего самоуправления» и введения некоторых элементов рыночной экономики. В свете этих фактов трудно считать паранойю Сталина единственной причиной разгрома «правонационалистического уклона» в

коммунистических партиях Центральной Европы. Если посмотреть на ситуацию с этой точки зрения, то существовала реальная угроза распада социалистического лагеря.

После смерти Сталина советские руководители расправились со своими сораотниками, стоявшими во главе органов массового террора. Чтобы исключить возможность возврата к репрессиям во внутрипартийной борьбе, они почти сразу же начали публичное разоблачение сталинских преступлений. Уже в 1954 г. в документе, подписанном политбюро ЦК КПСС, появилось выражение «культ личности». Вскоре после этого были осуждены «нарушения социалистической законности» и установлен принцип подчинения органов госбезопасности партийному аппарату. Так называемые ревизионисты утверждали, что речь шла исключительно о защите групповых интересов партийно-государственной номенклатуры. Это толкование, по сути верное, грешит, однако, упрощенчеством, ибо не учитывает ни влияния подлинного общественного движения, инициаторами и руководителями которого были также идейные коммунисты, ни совпадавших с общественными чаяниями тенденций в лоне стоявшего у власти бюрократического аппарата.

По моему убеждению, радикальное ограничение террора, предпринятое аппаратчиками советского блока, имело своей целью также повышение эффективности общественного сотрудничества. Стремясь создать механизм самозащиты от террора, эти аппаратчики хотели заручиться общественной поддержкой, ища ее среди партийного актива на предприятиях. Разумеется, советская система не сумела полностью отказаться от террора — как, впрочем, и западная (которая, однако, применяла террор исключительно во внешней политике). Можно сказать, что в советском блоке была принята установка, схожая с западной: не применять террор, если без него можно обойтись (т.е. пока ничто не угрожает власти аппарата).

Положение бюрократического аппарата в западных странах затруднялось (а может быть, как раз облегчалось?) тем, что пытавшиеся его контролировать общественные движения пользовались формальными механизмами демократии и неподцензурными СМИ. В советском же лагере разоблачение террора представителями правящей верхушки и различные меры, направленные на модернизацию, привели к тому, что как в обществе, так и среди партийного актива резко усилились требования улучшить условия жизни и ограничить цензуру, а также выступления за свободу и независимость. Особенно

широкие масштабы эти выступления приобрели в Польше, где сохранилась глубоко укоренившаяся в обществе традиция антигитлеровского движения сопротивления и действовали кадры довоенного коммунистического движения. На долю людей этой закалки выпал особый исторический опыт: компартия Польши была еще в 30-е годы разгромлена Сталиным, ее деятели попали в лагеря, а те, кто выжил, сохранили память о погибших друзьях. Ряды коммунистического движения времен оккупации и первых послевоенных лет — Польской рабочей партии — сильно поредели в результате борьбы против «правонационалистического уклона». В результате в Польше в середине 50-х годов появилось чрезвычайно мощное массовое движение за свободу и независимость под руководством кадровых деятелей ПОРП и Союза польской молодежи (СПМ — польского комсомола).

Люди с традиционно правыми политическими убеждениями не верили в коммунистов и перемены, которые от них исходили; по этой причине они, как правило, не приняли участия в левом антисталинистском движении второй половины 50-х (хотя кампанию за реабилитацию репрессированных бойцов Армии Крайовой начал как раз левый революционный журнал «По просту»). Правые в это время стояли во главе формирующегося массового движения в защиту католической Церкви, по-прежнему подвергавшейся гонениям. Это движение оказалось жизнеспособным и эффективным и сыграло первостепенную роль в борьбе за духовную суверенность поляков.

Варшава — Будапешт

В июне 1956 г. по инициативе местной профсоюзной и части партийной организации паровозостроительного завода в Познани началась забастовка, которая быстро перешла в уличные демонстрации. Рабочий протест был кроваво подавлен. В ЦК ПОРП, а также в партийных инстанциях различных уровней мнения резко разделились: чем были познанские события — выступлением против социалистического государства или справедливым бунтом рабочего класса? В результате представители партийных кругов начали более активно участвовать в разнообразных общественных движениях, прямо или косвенно связанных с внутрипартийными фракциями.

Среди них самое большое значение имело движение «рабочих советов», боровшееся за лишение правящей бюрократии власти над средствами производства. Руководителем этого

движения был деятель СПМ Лешек Гоздик, фрезеровщик варшавского завода легковых автомобилей, избранный на своем предприятии секретарем парторганизации. Движение «рабочих советов» сыграло важную роль и в венгерской революции 1956 года. Четверть века спустя «Солидарность», развив эту идею, выдвинула на ведущее место в своей программе создание «Самоуправляющейся Речи Посполитой».

Польское общественное движение середины 50-х годов было инициировано деятелями партии и комсомола, но уже с июня 1956 г. оно стало подлинно массовым и общенациональным. Его апофеозом стал состоявшийся в октябре 1956 г. VIII пленум ЦК ПОРП. Первым секретарем ЦК на нем был избран довоенный кадровый коммунист Владислав Гомулка — к сожалению, человек, не терпящий возражений, догматик, приверженец скорее власти как таковой, нежели идеи. Однако еще до начала VIII пленума первый секретарь Варшавского горкома ПОРП Стефан Сташевский, довоенный коммунист и узник советских лагерей, распространил в столице список нового состава ЦК. Для этого он воспользовался нами — то есть группой, которая в то время называла себя «молодые коммунисты».

Когда на варшавский пленум прибыла делегация ЦК КПСС во главе с Н.С.Хрущевым и главнокомандующим вооруженными силами стран Варшавского договора И.И.Якубовским, ЦК ПОРП не допустил советскую делегацию в зал заседаний. На переговоры были направлены, в частности, сам Гомулка и Эдвард Охаб — прежний первый секретарь ЦК, тоже кадровый деятель КПП и бывший зэк. В то же время на Варшаву двинулись размещенные в Польше советские танковые дивизии и польские части под командованием министра обороны ПНР, маршала СССР К.К.Рокоссовского, тоже бывшего зэка. Охаб в этот момент проявил необычайную смелость, заявив Хрущеву, что столица будет обороняться. Вблизи Варшавы были расквартированы войска, подчиняющиеся министерству общественной безопасности, которыми командовали генералы Вацлав Комар и Юлиуш Хибнер, бывшие бойцы испанских интербригад. Разумеется, Хрущев хотел избежать непопулярной войны с Польшей. Однако, как выяснилось через некоторое время в Венгрии, он соблюдал главное правило советской бюрократии послесталинского периода: применять террор только тогда — но всякий раз! — когда под угрозой находится ее власть.

Революция в Будапеште началась как отклик на «польскую революцию» — так называли наше движение мы, «молодые коммунисты», — после того, как органы госбезопасности

атаковали толпу, возложившую венки к памятнику генерала Бема (поляка, одного из вождей венгерской революции 1848 г.) и проводившую демонстрацию перед зданием парламента. Во главе венгерского движения стал недавний политзаключенный, кадровый коммунист Имре Надь. Но в этом движении коммунисты были в меньшинстве. Среди вновь образованных и возродившихся партий самой сильной была Партия мелких собственников, опиравшаяся на католическую Церковь. Находящиеся в Будапеште польские и западные журналисты считали, что коммунизм в Венгрии рухнул бесповоротно. Для бюрократии в советском блоке это стало сигналом тревоги. Хрущев получил секретное одобрение вооруженной интервенции от руководителей всех стран «социалистического лагеря». Говорят, что с поддержкой выступил также Тито, а президент США, надо полагать, был проинформирован о планах интервенции.

Неизвестно, что пообещал Гомулка Хрущеву во время переговоров в октябре 1956 года. Но зато известно, что, воспользовавшись своим авторитетом и распространенной СМИ картиной кровавой расправы с венгерской революцией, Гомулка сумел заблокировать общественные инициативы нашей, польской революции. При этом, однако, он начал с освобождения из-под ареста примаса Польши кардинала Стефана Вышинского (с 1953 г. кардинал Вышинский содержался под стражей в монастыре. — Ред.), который, по очевидным причинам стремясь уберечь Польшу от советской интервенции, поддержал Гомулку на выборах в Сейм 1957 года.

Во время предвыборной кампании Гомулка призвал население голосовать, не вычеркивая никого из кандидатов, а наша революция была направлена как раз против подобных манипуляций. В результате поляки вычеркивали кандидатов, фамилии которых были помещены в избирательных списках на так называемых «внемандатных» местах (то есть после основных кандидатов, число которых строго соответствовало числу мандатов в данном округе. — Пер.). Так в органы власти не попали Гоздик и другие представители левых сил — участники «польского октября».

1968 год

В рассматриваемую здесь эпоху крупных общественных движений всемирного масштаба усиливались также социальные группы аппарата власти — как на Востоке, так и на Западе. Бюрократы на Западе завидовали почти неподконтрольной власти бюрократов на Востоке, а те в свою очередь — частной собственности, экономической динамике и

стабильности уровня жизни. При этом у аппаратчиков по обе стороны «железного занавеса» было сильно развито чувство общей групповой солидарности. Руководствуясь интересами своих обществ, а также своими групповыми интересами, они систематически — и все более эффективно — вступали в сговор друг с другом, не переставая при этом подчеркивать свои непримиримые идеологические различия и культивируя миф взаимной вражды.

Неприкрытое преступление против венгерской революции и поражение польского революционного движения положили начало полной компрометации советского блока в глазах мирового коммунистического движения и даже среди умеренно ориентировавшихся на советский лагерь антивоенных и национально-освободительных движений. Это стало началом конца эпохи общественных движений.

В марте 1965 г. было обнародовано «Открытое письмо к членам ПОРП» Яцека Куроня и Кароля Модзелевского — по-видимому, последний по времени строгий анализ советского тоталитаризма в марксистских категориях. Это письмо, переведенное почти на все языки мира, значительно укрепило антисоветские тенденции в революционных движениях. Мы писали, что освобождение рабочего класса — то есть, с точки зрения марксистского подхода, каждого человека, — станет возможным только в результате совместного выступления всех узников «социалистического лагеря», в первую очередь русских. Мы указывали также на вышеупомянутый союз советской и западной бюрократии.

Весной 1968 г. общественное движение студентов и интеллигенции преградило дорогу попытке провести националистические и антисемитские преобразования в аппарате власти. Эту попытку можно смело назвать антикоммунистической и, таким образом, близкой настроениям значительной части поляков. Студенческое движение было начато и в течение некоторого времени шло за молодежью, связанной с авторами «Открытого письма», но критически относившейся к его программному содержанию, восходящему к традициям революционных левых партий, — тогда как инициаторы движения пытались обозначить свое политическое лицо, опираясь, в частности, на традиции либеральной демократии.

Однако мартовское студенческое движение вскоре превратилось в подлинно массовое, и в нем начали доминировать более «представительные» тенденции. Знакомясь в следственной тюрьме с материалами своего дела, я

анализировал различные документы и в результате пришел к выводу, что частые ссылки авторов студенческих деклараций на «социализм», а также на действовавшую тогда конституцию были вполне искренними. Иначе говоря, они отражали фактическое состояние умов, а не были продиктованы чисто тактическими соображениями.

Той же весной 1968 г. в Чехословакии прозвучал последний мощный аккорд движения за «социализм с человеческим лицом», получивший название «Пражской весны». Несомненно, это было самое зрелое явление, начатое по инициативе и под руководством коммунистов и вобравшее в себя весь опыт прежних массовых антибюрократических выступлений. В условиях постоянного советского давления чехословацкое общество сплотилось вокруг законно избранного руководства коммунистической партии и даже во время интервенции войск Варшавского договора тщательно соблюдало демократические процедуры.

Как и многие мои чешские и словацкие друзья, я убежден, что интернированные в Москве руководители КПЧ, подписывая заявление, в котором выражалось согласие с вооруженной интервенцией стран Варшавского договора, стремились избежать повторения в Чехословакии кровавой расправы, которую испытала на себе Венгрия. Мы никогда не узнаем, правильно ли они поступили. Однако гражданское движение чехов и словаков перед лицом капитуляции их вождей быстро заглохло. Символом этого самоубийства массового движения стало самосожжение Яна Палаха.

В декабре 1970 г. польские рабочие Балтийского побережья выступили против повышения цен на продукты питания, требуя права создавать независимые профсоюзы. Забастовки и демонстрации были кроваво подавлены. Правящая бюрократия возложила ответственность за эти события на Гомулку, который был снят с поста первого секретаря ЦК. Это был весьма серьезный сигнал, свидетельствующий о том, что общество может ограничивать всевластие бюрократии.

Правозащитная революция

Характерными особенностями советской экономики была изолированность от мирового рынка (за исключением импорта необходимых компонентов производства в обмен на экспорт сырья) и экстенсивное развитие. В начале 70-х стало ясно, что резервы подобного развития себя исчерпали. Бюрократия, противостоявшая консервативным течениям, начала поиски источников интенсивного развития. Это послужило

аргументом в пользу ограничения террора, обоснованием массового потребления как стимула к повышению эффективности и стало причиной поисков сближения с западной бюрократией. На этом пути изыскивались также возможности сдержать гонку вооружений, получить западные кредиты и даже предпринимались попытки перенять образцы капиталистической свободной инициативы.

Все эти поиски, предпринятые во имя экономического роста, стимулировали формирование в странах социалистического лагеря общественных движений, выдвигавших лозунги улучшения условий жизни, свободы и независимости. Бюрократия советского блока с конца 50-х уже неохотно прибегала к насильственным методам. Она предпочитала «упреждать» грозящие ей опасности, то есть идти на уступки. Дополнительным результатом подобной политики стала растущая зависимость советской бюрократии от западной.

Поэтому государства восточного блока уже в 1964 г. выступили с инициативой созыва Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (КБСЕ), на что западные державы выразили согласие при условии, что на конференции будут обсуждаться вопросы, относящихся к правам человека, контактам между людьми и свободному распространению информации. Они потребовали также начала переговоров между НАТО и Организацией Варшавского договора о сокращении обычных вооруженных сил в Европе.

Невозможно переоценить значение Заключительного акта КБСЕ, подписанного в Хельсинки в 1975 году. Крупнейшие мировые державы еще раз заявили о своей безусловной приверженности Всеобщей декларации прав человека. Однако бюрократия советского блока не собиралась соблюдать ту часть Заключительного акта, которая относилась к гражданским правам и свободам. В свою очередь западной бюрократии — за исключением наиболее развитых стран — оказалось нелегко соблюдать зафиксированные в этом документе право на труд и образование.

Все это не изменяет того факта, что общественные движения во всем мире могли отныне ссылаться на Заключительный акт КБСЕ, чтобы выдвигать требования по адресу своих правительств. Этот документ, вне всякого сомнения, способствовал разложению советской тоталитарной системы, а также падению недемократических режимов в странах западной сферы влияния.

В последние годы реального социализма в Польше сформировалось широкое общественное течение, ядром которого стал Комитет общественной самозащиты КОР, а затем — гигантское массовое движение «Солидарность», поддержанное католической Церковью. Не подлежит сомнению, что для развития этих движений огромное значение имело гуманистическое учительство Иоанна Павла II и его первое паломничество в Польшу.

КОС-КОР и «Солидарность», будучи несомненно новаторскими движениями, ищущими новые формы общественного сотрудничества, теоретически могли бы считаться левыми движениями. Нельзя, однако, забывать, что они были направлены против бюрократии, использующей левую фразеологию, и большинство участников этих движений считали себя противниками левых.

Поскольку «Солидарность» возникла как мощное движение за повышение зарплаты, ее триумф повлек за собой резкое нарушение сбалансированности рынка. Этот факт умело использовала контрреволюция «прагматиков», которая одержала верх после введения военного положения 13 декабря 1981 года.

Агония системы

Общая цель всех современных общественных движений совпадает с чаяниями всех людей — создать такой мир, такое сообщество, где могли бы реализоваться стремления каждого индивидуума. Тоталитарные системы лишь имитируют эту цель: под личиной мира-сообщества они предлагают нам централизованное управление общественной жизнью. В этом факте и кроется сила тоталитарных режимов, поэтому они и пользуются общественной поддержкой.

Однако практика общественной жизни на протяжении последнего полувека все более обнажала ложь, на которую опиралась советская система. Поэтому ослабевала и ее общественная поддержка, а усиливались движения противников системы. Эти движения сосредотачивались вокруг борьбы за национальную суверенность, рабочее самоуправление на предприятиях, а также за введение элементов рыночной экономики.

Государственная бюрократия искореняет все неподконтрольные ей общественные движения. В демократических странах бюрократия стремится к максимальной эффективности управления благодаря

различным формам скрытого ограничения законодательной власти в пользу исполнительной. В странах советского блока бюрократия стояла у власти в условиях системы, которая быстро утрачивала эффективность — в частности, в результате ослабевающей общественной поддержки и растущего давления масс, требующих доступа к потребительским благам. Стремясь получить общественную поддержку, бюрократы использовали призывы к национальному самоопределению или националистические лозунги. Стремясь повысить экономическую эффективность, они обращались к методам рыночной экономики. Все это происходило на фоне внутренней борьбы между группами «новаторов» и «консерваторов». Однако до тех пор, пока попытки реформ оставались робкими и половинчатыми, они не имели никаких шансов на успех.

Стоит обратить внимание, что с 70-х годов советский экспорт (необходимый для импорта компонентов производства) состоял почти исключительно из нефти. Однако в середине 80-х наступило падение цен на нефть на мировых рынках и одновременно начали исчерпываться ее запасы, добываемые в СССР. Можно предположить, что это было одним из факторов, ускоривших формирование внутри правящего аппарата в СССР и странах «социалистического лагеря» группы «новаторов», задумавшей сочетать национальные лозунги с элементами демократии, а рыночные тенденции — со стремлением к присвоению государственной собственности.

Тоталитаризм, как и все другие социально-экономические системы, пришел к власти благодаря общественному движению, и победить его, создав новую систему, можно было лишь тем же самым способом. Именно для того, чтобы положить начало такому общественному движению, аппаратная группа, во главе которой стоял Михаил Горбачев, выступила с инициативой «перестройки».

Первый, самый знаменательный шаг в направлении преобразований был сделан в Польше — стране самых сильных общественных движений. Здесь, где благодаря широчайшей социальной базе эти движения включали в себя даже некоторых деятелей правящей партии, сформировалось наиболее зрелое новаторское крыло в аппарате власти. В 1988 г. его руководители обратились к руководству «Солидарности» и Церкви с предложением о переговорах. Несколько месяцев спустя начались переговоры «круглого стола». По пути, намеченному Польшей, одна за другой пошли и остальные страны советского блока.

А все могло бы сложиться по-другому...

Крушение советского блока создало во всем мире иллюзию, будто сама идея освобождения труда скомпрометирована, а либерально-консервативная идеология торжествует. В посткоммунистических странах люди ожидали, что на них хлынет широкий поток потребительских благ, а старые и новые аппаратчики верили, что этого можно добиться путем введения правил свободного рынка и проведения быстрой приватизации. Однако приватизация — в ситуации отказа от концепции рабочего самоуправления и отсутствия капиталистов — по необходимости означала переход собственности в руки старой номенклатуры.

Этот процесс шел тем интенсивнее, чем слабее были традиции общественных движений и демократических институтов: достаточно взглянуть на Россию. В странах со сравнительно прочной традицией общественных движений (в Чехии, Польше, Венгрии), но в условиях отсутствия рабочего самоуправления, фактором, ограничивающим присвоение государственной собственности старой бюрократией, стала приватизация в пользу новой бюрократии.

Если бы мы, деятели прежней «Солидарности», сумели на пороге независимости организовать движение за рабочее самоуправление и широкое общественное движение за преобразование отношений собственности, тогда у нас был бы шанс не допустить превращения бюрократии в класс новых собственников. Я имею здесь в виду создание известной также в Польше «демократии для собственников», различные формы которой с большим или меньшим успехом используются в некоторых странах (участие работников в собственности предприятия и в управлении им). Я не хочу здесь обсуждать вопрос, является ли такая модель сама по себе конечной целью или служит лишь общественному контролю за процессом приватизации. Во всяком случае, она отнюдь не должна приводить к снижению производительности труда, а может даже способствовать ее росту.

К сожалению, мы не сумели сделать это. Переговоры «Солидарности» с правительством и организациями работодателей о пакете законов в рамках так называемого «Пакта о государственном предприятии в процессе преобразования» были начаты слишком поздно (в конце 1992 г.) и велись слишком робко. Что еще хуже: мы позволили старой и новой бюрократии в ходе голосования в Сейме исключить из «Пакта» его важнейший элемент — представительство рабочих коллективов в контрольных советах предприятий.

В результате получилось, что мы совместными усилиями построили не гражданское общественное устройство, а бюрократическое — по капиталистическому и полудемократическому образцу. Таким образом, именно мы, политики, несем ответственность за царящие сегодня несправедливые общественные отношения, вездесущую коррупцию и прогнившую политическую жизнь.

Фрагменты из книги «Действие» (Вроцлав, 2002)

и публикаций в «Газете wyborчей»

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Экономические показатели в очередной раз преподнесли сюрприз аналитикам, которые ожидали роста промышленного производства, но не предполагали, что темп ускорения будет настолько высок. В январе этого года промышленные предприятия продали на 14,3% больше товаров, чем в январе прошлого. Это лучший результат за последние четыре года (...) Пока что темп роста ВВП все время увеличивается. По расчетам экономистов, в последнем квартале 2003 г. рост ВВП составил около 4,5%». (Патриция Мацеевич, «Газета wyborча», 19 февр.)

• «В прошлом году объем экспорта увеличился более чем на 20%. Успехом предприниматели обязаны самим себе (...) Польские фирмы оказались лучше многих западноевропейских. В последние годы в экономике стран ЕС (особенно Германии, Франции и Италии) наблюдался спад. Одновременно на их рынки поступало все больше польских товаров. На протяжении 11 месяцев прошлого года объем экспорта в Швецию увеличился на 36,2%, в Голландию — на 24,3%, в Германию — на 21,5% (...) Однако позицию лидера, которую мы занимали в 90-е, нам удастся вернуть еще нескоро. Наши соседи опережают нас в реформировании экономики. Теперь новым лидером стала Словакия». (Станислав Зундерлих, «Ньюсуик-Польша», 29 февр.)

• Эксперты Европейской комиссии удивлены: многие польские предприятия инвестировали в соблюдение европейских санитарных норм. К 1 мая число молокозаводов, имеющих право экспортировать свою продукцию в страны Евросоюза, возрастет с 52-х до 160-ти, а число мясокомбинатов — со 127 до более чем 1100. («Жечпосполита», 17 февр.)

• Лешек Бальцерович, президент Польского национального банка (ПНБ): «В Польше государственные расходы достигают 45% ВВП. Среди т.н. экономических «тигров» я не знаю ни одной страны, которая была бы настолько обременена расходами. Как правило, страны, развивающиеся в темпе 5–8% в год, расходуют 20–25% ВВП. Вдобавок в Польше быстро растет задолженность государства, так как расходы существенно превышают доходы (...) С сентября прошлого года курс злотого по отношению к евро снизился на 10%. В то же самое время словацкая крона укрепилась на 3%, хотя в экономике обеих

стран преобладают положительные тенденции. Но в Словакии сделали уже многое из того, о чем в Польше до сих пор продолжают только дискутировать, — например, упростили налоговую систему и одновременно унифицировали ставки НДС, ужесточили социальное законодательство, ввели плату за здравоохранение и учебу в вузах. Далеко продвинулся также процесс приватизации. Инвесторы делают из этого соответствующие выводы». («Ньюсуик-Польша», 29 февр.)

- «Безработица продолжает расти. По данным Главного статистического управления (ГСУ), в январе работы не было у 20,6% трудоспособного населения, т.е. у 3,3 млн. поляков». («Жечпосполита», 21-22 февр.)

- «В течение года среднестатистический европеец сидит на больничном 7-8 дней. До недавнего времени поляки были в этом отношении рекордсменами: в 1998 г. на одного застрахованного гражданина Польши приходилось почти 20 дней больничного. Однако, согласно отчету, представленному Институтом общественных вопросов, в 2002 г. эта цифра составила уже неполных 12 дней (...) Основная причина такого резкого изменения (...) высокая безработица. Изменилось отношение к работе». (Малгожата Солецкая, «Жечпосполита», 21-22 февр.)

- «Недавно я узнал, что в Польше число неработающих сравнялось с числом работающих (...) Это означает, что сегодня каждый работающий поляк содержит одного неработающего. Лично я, как человек работающий, платящий налоги и взносы социального обеспечения, содержа кого-то совершенно чужого, кто не работает и не платит. Связь между мной и моим иждивенцем осуществляется с помощью правительства, парламента, государственной и налоговой администрации, Управления социального страхования и еще невесть кого. Из-за этого нам обоим живется хуже: и мне, и моему иждивенцу. Я плачу больше, а он получает меньше, потому что кроме него я должен содержать премьер-министра, министра, целую ораву социальных экспертов и армию чиновников (...) Поэтому я предлагаю правительству назначить мне сверху какого-нибудь неработающего, а уж я возьму на себя его полное содержание (...) Это обойдется мне дешевле, чем при нынешней системе социальной справедливости, гарантирующей обоюдную анонимность». (Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 3 марта)

- Ежегодно более полумиллиона человек выезжают из Польши на заработки. Как правило, едут на два-три месяца — прежде всего в Германию, США и Италию. Заработанные за год 2 млрд. евро поляки тратят в основном дома. («Жечпосполита», 9 февр.)

- С 1 июля в Евросоюзе, а значит и в Польше, каждая лошадь должна иметь паспорт. Без этого ее нельзя будет вывезти на убой в Западную Европу. (*«Впрост»*, 15 февр.)
- «В связи со вступлением в Евросоюз Польше пришлось денонсировать двусторонний договор с Россией, обеспечивавший нам режим наибольшего благоприятствования. С 1 мая наши торговые отношения должны регулироваться договором с ЕС. Однако Москва не согласилась автоматически распространить его на Польшу и поставила 14 условий». (*Роберт Солтык, «Газета wyborcza»*, 24 февр.)
- «Евросоюз ожидает, что Россия согласится распространить договор о сотрудничестве и развитии на новые государства-члены, в т.ч. и на Польшу. Если до 1 мая Москва не сделает этого, Брюссель примет ответные меры». (*Анна Слосевская, Мариан Пишибильский и Енджей Белецкий, «Жечпосполита»*, 21-22 февр.)
- Заместитель начальника российского Генерального штаба генерал Юрий Балугевский: «Российские ракеты не направлены и никогда не будут направлены на Польшу, даже если на ее территории будут размещены американские базы». (*«Жечпосполита»*, 11 февр.)
- Нашествие енотов-полоскунов на Польшу началось. В 1927 г. еноты овладели Германией и перешли границу с Францией, однако польскую границу не нарушали. Теперь они перешли через Одер и двинулись на восток. Впрочем, такое же вторжение может грозить нам и с востока: в 30-е гг. в России тоже выпускали енотов. Они еще не идут на запад, но наверняка пойдут. (*Адам Вайрак, «Газета wyborcza»*, 23 февр.)
- «Вчера вечером объем поставок в Польшу российского газа резко сократился. Это произошло в результате конфликта «Газпрома» с Белоруссией». (*«Жечпосполита»*, 19 февр.)
- «Вчера, после того как Россия перекрыла кран, польские предприятия химической промышленности перестали получать газ. Опасаться начали и простые граждане. Премьер-министр Лешек Миллер заметил: «Как поставщик газа Россия больше не внушает доверия»». (*Мартин Босацкий, «Газета wyborcza»*, 20 февр.)
- «Заместитель министра иностранных дел вызвал к себе посла России и потребовал объяснений. Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич разговаривал по телефону с российским министром Игорем Ивановым. Обеспокоенность

выразила Европейская комиссия (...) Решение «Газпрома» стало ярким фоном для вчерашних переговоров о возобновлении сотрудничества между концерном «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» и норвежским концерном «Статойл». В Варшаве подписана декларация о намерениях». (Анджей Кублик, «Газета wyborча», 20 февр.)

- Отключение газа показало, что Польша не готова к такой ситуации и не смогла бы с ней справиться, если бы она продолжалась дольше, чем день или два (...) Даже денежная компенсация не изменит того факта, что, сократив поставки без предупреждения, «Газпром» отнесся к Польше как к малозначительному клиенту. («Жечпосполита», 20 февр.)

- «В споре с Белоруссией цены сырья — вовсе не самое основное. Прежде всего российский гигант хочет показать, кто тут главный. Пока мы не обеспечим себе независимых от России поставок газа, у нас не будет никаких гарантий, что в следующий раз объектом газового давления не станет Варшава». (Ян Скужинский, «Жечпосполита», 20 февр.)

- «Никогда больше такая ситуация с газом не повторится», — такое обещание дал в пятницу российский премьер-министр Михаил Касьянов своему польскому коллеге Лешеку Миллеру. («Жечпосполита», 21-22 февр.)

- «Перерыв в поставках российского газа (...) в Польшу вызвал в нашей стране шок (...) Еще в субботу министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич сказал, что до сих пор неясно, почему Россия не сообщила Польше о своих намерениях. «Поступать таким образом не годится», — заявил Цимошевич (...) В субботу президент Квасневский говорил по телефону с президентом России Владимиром Путиным. Путин констатировал, что перерыв в поставках газа был связан с российско-белорусскими отношениями и не носил антипольского характера. Кроме того он заверил, что поставки газа в Польшу гарантированы. Квасневский назвал возникшую ситуацию «ошибкой, бросающей тень на хорошо развивающиеся польско-российские отношения»». (Анджей Кублик, «Газета wyborча», 23 февр.)

- Вторая нить Ямальского газопровода, проходящая через Польшу, будет строиться только после 2010 года. Такое решение «Газпром» должен был бы согласовать с «Польской нефте- и газодобывающей промышленностью». Однако он не сделал этого. По мнению бывшего вице-премьера Януша Штейнхоффа, «самоуправное решение «Газпрома» — очередное подтверждение того, что политика обеспечения

Польша газом полностью провалилась». («Жечпосполита», 27 февр.)

- Концерн «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» ищет способы обеспечить поставки импортного природного газа на случай, если бы ситуация повторилась и «Газпром» снова ограничил продажу газа. («Жечпосполита», 28–29 февр.)

- «Почему, несмотря на дипломатические заверения в том, что польско-российские отношения складываются хорошо, на самом деле все так плохо? Москва подходит к Варшаве с холодной и даже пренебрежительной сдержанностью. Варшава не может с этим ничего поделать и не знает, как быть (...) В своей недавней лекции в варшавской Дипломатической академии замминистра иностранных дел и специалист по вопросам безопасности проф. Адам Ротфельд обратил внимание на то, что Россия «переживает явление, называемое в психологии познавательным диссонансом: она продолжает рассматривать в качестве врага Запад и Североатлантический союз, приуменьшая при этом истинную опасность на своих южных рубежах. Польша рассматривается ею как авангард НАТО, по отношению к которому надо демонстрировать холодную сдержанность»». (Марек Островский, «Политика», 6 марта)

- «Россиян уже не привлекают лозунги коллективизма, а неумело вводившийся либерализм потерпел поражение. На поле боя осталась только шовинистическая имперская идеология, в которой Польша играет роль дежурного врага. К сожалению, других идеологов не слышно», — писал Ежи Помяновский. Интеллигенция же, «с которой Помяновский все время связывает большие надежды, сидит тихо. Либо она разочарована, либо запугана. Это молчание вредит России». (Эва Жажицкая, «Газета польска», 11 февр.)

- Заместитель директора Института национальной памяти (ИНП), заместитель генерального прокурора проф. Витольд Кулеша награжден офицерским крестом ордена Венгерской Республики за выяснение обстоятельств убийства 18 венгерских военнопленных сотрудниками НКВД в великопольской местности Бядки в январе 1945 года. В заключительном постановлении этого исторического расследования трагедия в Бядках названа военным преступлением, не подлежащим сроку давности, а также преступлением против человечества. Останки убитых эксгумированы и перенесены на кладбище в Познани. На

здании школы в Бядках открыта мемориальная доска. («Газета wyborcza», 26 февр.)

- «В среду утром в больнице г. Тампа во Флориде умер полковник Рышард Куклинский. Ему было 74 года. Для американцев он был самым ценным источником информации во всем советском блоке. Он добывал секретнейшие данные Варшавского договора. Коммунисты [заочно] приговорили его к смерти, а американцы называли своим лучшим агентом за «железным занавесом»». («Жечпосполита», 12 февр.)

- «Кем был Рышард Куклинский: национальным героем или предателем? Несколько лет назад спор на эту тему разделил польское общественное мнение. Очевидно, он разгорится заново и сейчас, после смерти полковника. Это важный спор (...) Речь в нем идет прежде всего об оценке ПНР. Было ли коммунистическое государство законной формой польской государственности или только зависимой частью советского блока, управляемой режимом, лишенным народного мандата? (...) Особенно заядло критиковали Рышарда Куклинского генералы Кишак и Ярузельский, защищая таким образом свои собственные биографии, в которых на первом месте стояла служба коммунизму и его московскому центру (...) Рышард Куклинский, бросивший одинокий вызов советской мощи, отстаивал польские государственные интересы лучше. Ибо путь к независимости Польши — как тогда, так и сейчас — пролегает через союз с Вашингтоном, а не через коллаборационистское сотрудничество с Москвой». (Ян Скужинский, «Жечпосполита», 12 февр.)

- В последнее время польские солдаты задержали в Ираке 35 человек, подозреваемых в терроризме. Нападения на польских военнослужащих повторяются почти ежедневно. Это уже не случайные теракты, направленные против сил коалиции, как говорили раньше. Нет никаких сомнений в том, что их целью стали польские солдаты. (Агата Яблонская, «Впрост», 1 марта)

- 18 февраля во время нападения террористов на одну из баз международной дивизии под польским командованием 20-летний монгольский сержант Ганболд Аз-Зая застрелил одного террориста, а другого ранил. Молниеносная реакция сержанта спасла базу. Во время специальной церемонии Ганболд Аз-Зая получил личную благодарность от командующего дивизией генерала Мечислава Бенека, а также был награжден одной из последних моделей цифрового фотоаппарата. («Жечпосполита», 26 февр.)

- Хельсинкский фонд по правам человека организовал в Варшаве V Международную конференцию, посвященную правам человека в Северной Корее и беженцам из этой страны. Главной темой конференции стали преступления властей КНДР, а также роль и ответственность международной общественности. (*«Жечпосполита»*, 1 марта)
- Новый посол Израиля в Польше Давид Пелег: «В Польше, вступающей в Евросоюз, мы видим лидера в тенденции к решительной борьбе с антисемитизмом». (*«Впрост»*, 9 февр.)
- В Польше проживает около 50 тыс. армян. Более 2,5 тысяч получили вид на жительство или гражданство. Почти 1,5 тыс. армянских иммигрантов хотят легализировать свое пребывание в Польше и остаться там. Остальные до сих пор пребывают на территории Польши нелегально. (*«Политика»*, 7 февр.)
- Ежегодно в Польшу приезжает 6 млн. украинцев — столько насчитала украинская сторона. Даже введенные недавно визы не уменьшили это число. Среди 23 тыс. иностранцев, которые в 2002 г. получили разрешение на работу, украинцев больше всего — целых 3 тысячи. (*«Газета wyborча»*, 9 февр.)
- ИМП намерен издать книгу, содержащую фамилии тех украинцев, которые в 1943–1946 гг. спасали жизнь полякам, преследуемым украинскими националистами. Директор ИМП проф. Леон Керес: «Каждое проявление добра должно сохраниться в памяти. Часто мы сожалеем о том, что другие забывают о славных делах поляков или приписывают их себе. Давайте же не будем отказывать другим народам в праве на память за добро, которое они делали полякам (...) Польско-украинские отношения должны опираться именно на такие воспоминания». (*«Жечпосполита»*, 11 февр.)
- «У нас прекрасные отношения», — единодушно оценили министры иностранных дел Украины и Польши Константин Грищенко и Влодзимеж Цимошевич. В январе на Украине начался Год Польши, который призван улучшить контакты между украинцами и поляками. (*«Газета wyborча»*, 5 февр.)
- Во время визита в Варшаву президент Украины Леонид Кучма объявил, что в мае по трубопроводу Одесса—Броды потечет нефть из каспийских месторождений. Трубопровод будет продолжен до Плоцка в Польше, что уменьшит зависимость страны от российских поставок. Сейчас Польша покупает у России около 95% сырья, перерабатываемого на польских нефтеперегонных заводах. Когда украинский трубопровод

начнет работать с максимальной пропускной способностью, доля российской нефти может уменьшиться до 60%.
(«Ньюсуик-Польша», 22 февр.)

• Аскольд Еремин из Львова: «Принятое решение отвечает национальным интересам Украины и дает ей шанс на независимость от российской нефти. На транзите нефти (в перспективе до 45 млн. тонн в год) можно заработать, а европейская нить нефтепровода, в которую может превратиться трубопровод Одесса — Броды после продолжения до Плоцка, приблизит Украину к Евросоюзу. Решение Киева отвечает также интересам Польши и, кроме большей независимости от нефти из России, дает возможность заработать на транзите. Нефть, текущая из Одессы в Броды будет, пожалуй, первым экономическим подтверждением того, что усилия Польши в качестве адвоката Украины в Европе окупаются». («Тыгодник повшехный», 15 февр.)

• Виктор Ющенко, бывший премьер-министр Украины: «Трудно представить себе украинский путь к европейской интеграции без развития добрососедских отношений с Польшей (...) Наши отношения — это стратегическое партнерство. Говоря так, мы имеем в виду особые отношения Киева и Варшавы, а также согласованность направлений внешней политики. Мы с благодарностью принимаем поддержку, которую Польша неизменно оказывает нам в деле европейской интеграции (...) Голос Польши и ее президента звучал, даже когда возникли сомнения в реальности наших европейских устремлений. Мы ценим введение Польшей бесплатных виз для граждан Украины. Мы с удовлетворением восприняли решение наших правительств о строительстве польского отрезка трубопровода Одесса — Броды — Плоцк и его использовании для транспортировки каспийской нефти». («Газета wyborча», 11 февр.)

• Вследствие того, что украинский «Индустриальный союз Донбасса» потерпел поражение в конкурсе на приватизацию польского металлургического комбината «Ченстохова», президент Украины Леонид Кучма поручил своему правительству расследовать обстоятельства приватизации комбината. По словам торгового советника посольства Украины в Польше Дмитро Завтуры, поражение «Донбасса» — «это очень плохая информация», которая «может отрицательно повлиять на отношения между двумя государствами». По мнению же украинского политолога Костя Бондаренко, «Польша нанесла удар по европейскому курсу Украины и дала аргумент

сторонникам сближения с Россией». (Дариуш Малиновский, «Газета wyborча», 26 февр.)

• «Президент Украины Леонид Кучма неожиданно дал понять, что поставки в Польшу нефти по трубопроводу Одесса—Броды находятся под угрозой (...) Критические высказывания Кучмы могут быть еще одной реакцией Украины на решение польского министерства государственной казны выбрать в качестве инвестора металлургического комбината «Ченстохова» не «Индустриальный союз Донбасса», а индийский концерн (...) По мнению премьер-министра Украины Виктора Януковича, недопущение «Донбасса» к приватизации «Ченстоховы» — это «дискриминация национальных интересов Украины»». (Анджей Кублик, «Газета wyborча», 27 февр.)

• По сообщению информационного агентства УНИАН, ответным шагом украинского руководства может стать лишение Польши права представлять интересы Украины в Евросоюзе. (Анджей Кублик, «Газета wyborча», 1 марта)

• Министр государственной казны Збигнев Каневский: «Предложение «Донбасса» противоречит положениям договора о вступлении [Польши в Евросоюз], запрещающим нам увеличивать производственные мощности (...) Поэтому такое предложение не может быть принято и реализовано». («Газета wyborча», 2 марта)

• Пресс-секретарь украинского МИДа заявил, что этот мелкий конфликт не должен повлиять на стратегическое сотрудничество Польши и Украины. («Жечпосполита», 3 марта)

• «Неясное происхождение капитала, непрозрачная структура холдинга, подозрение в отмывании грязных денег — таковы, по нашим неофициальным сведениям, обвинения Агентства внутренней безопасности (АВБ), выдвинутые против «Индустриального союза Донбасса». Эти обвинения стали одной из причин отказа от украинского предложения приватизации комбината «Ченстохова». Судя по всему, АВБ подозревает также, что на самом деле за «Донбассом» стоят российские силы». (Бертольд Киттель и Анджей Михальский, «Жечпосполита», 4 марта)

• Председатель украинской парламентской комиссии по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Владимир Стретович об «Индустриальном союзе Донбасса»: «Донецкая группа — это акционерное общество местных властей и предпринимателей, обслуживаемое налоговой инспекцией, милицией и прокуратурой». («Газета wyborча», 5 марта)

- Ушедший в отставку замминистра финансов Роберт Квасняк отказался и от должности начальника таможенной службы после того, как газета «Жечпосполита» обвинила его в конфликте интересов (адвокатская контора его жены помогала частным предприятиям, обжаловавшим в Верховном административном суде решения таможенников). Кроме того «Жечпосполита» заставила уйти в отставку Рышарда Пренгеля, начальника канцелярии вице-премьера Марека Поля, обвинив его в злоупотреблении служебным положением в корыстных целях. («Тыгодник повсехный», 7 марта)

- По данным опроса, проведенного ЦИОМом, «Гражданскую платформу» поддерживает 31% поляков, правящую коалицию «Союза демократических левых сил» (СДЛС) и «Унии труда» — 21%, «Самооборону» — 18, «Право и справедливость» — 10, «Лигу польских семей» — 8, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. («Жечпосполита», 14-15 февр.)

- Из выступлений председателя «Самообороны» Анджея Леппера на встречах с избирателями: «За экономические преступления — пожизненное заключение и каменоломни (...). Путин в России не побоялся: гляньте, самого богатого посадил»; «Затормозим приватизацию и спасем оставшиеся заводы»; «У нас все будут платить 1-2% налога с оборота»; «Мы введем прожиточный минимум — 900 злотых на человека. Если у человека нет работы не по его вине, он должен получать такой минимум. А депутатам и министрам снизим зарплаты до 3000 злотых»; «За педофилию надо кастрировать. Если нет от этого никакого лекарства, надо резать по живому мясу, без всякого наркоза, — и смертная казнь». («Газета wyborча», 1 марта)

- Проф. Виктор Осятынский, член комитета политических наук ПАН: «Наших политиков интересует краткосрочная перспектива. Теперь они думают даже не о следующих выборах, а о том, как бы оказаться среди лидеров очередного опроса общественного мнения. Им не важно ничего, кроме сиюминутного успеха. Причем только собственного — об успехах страны, общества, преобразований они вообще не говорят, особенно когда нужно признавать достижения своих предшественников (...) Польская политическая верхушка сообразительна, но главным образом в тех случаях, когда речь идет о ее собственных интересах. Никто не заставляет ее отчитываться ни в данных обещаниях, ни в том, что она на самом деле сделала». («Газета wyborча», 6-7 марта)

- Павел Спевак, директор Института истории социологической мысли Варшавского университета: «Социологические исследования свидетельствуют о явной непрозрачности и

непредсказуемости польской общественной жизни. Налицо несоответствие между тем, что говорят партийные лидеры, и представлениями общества. Между самыми распространенными предвыборными заявлениями и эгалитаристской ориентацией большей части общества существует очевидная пропасть (...) Апатия, чувство гражданской слабости в сочетании с «олигархизацией» политики и коррупцией вне всяких сомнений создают почву для мягкого авторитаризма». («Впрост», 7 марта)

• «По сравнению с 1999 г. наше общество стало менее одобрительно относиться к богатству. Значительно уменьшилось число поляков, считающих, что богатым можно стать благодаря трудолюбию и самоотверженности (на 12%), смелости и готовности пойти на риск (на 8%). Зато на второе и третье место вышли отрицательные качества — пренебрежение к закону и использование пробелов в законодательстве. Прибавилось людей, убежденных, что разбогатеть можно, подкупая чиновников (их стало больше на 8%). Целых 68% поляков считают, что состояние нельзя нажить честным трудом». (Станислав Зундерлих, «Ньюсуик-Польша», 7 марта)

• «В польских тюрьмах сидит более 80 тыс. человек. Это число постоянно растет — как и наше ощущение угрозы со стороны преступности. Последнее растет еще и потому, что по улицам наших городов и деревень разгуливают почти 30 тыс. человек, приговоренных к лишению свободы, для которых нет места в исправительных учреждениях». (Кишиштоф Собчак, «Жечпосполита», 27 февр.)

• Сатирик Станислав Тым: «Получив недавно в подарок книгу, озаглавленную «Новый словарь ученического жаргона», я решил заглянуть в нее. Над этим томом, насчитывающим более четырехсот страниц, работали четыре автора под редакцией Халины Згулковой. Текст на обложке гласит, что в словаре собрано 17 тысяч слов и фразеологических выражений. «Если язык описывает мир, то с этим миром стоит познакомиться», — пишет издатель (...) Этот «Новый словарь ученического жаргона» привел меня в ужас. Я и не подозревал, что обиходный язык молодых поляков — детей и подростков — так чудовищно вульгарен и пессимистичен. Вырисовывающаяся из этих жаргонных выражений «страна детских лет» 2004 года засрана, заблевана, полна побоев, насилия, секса, алкоголя, наркотиков, презрения к противоположному полу и вообще ко всему миру. Нетерпимость и чувство превосходства над всем непохожим — вот что выходит на первый план в этом

«жаргоне». Я пишу «жаргон» в кавычках, потому что не уверен, жаргон ли это. Скорее это площадная брань, в которой самые вульгарные и непристойные слова — в порядке вещей». («Жечпосполита», 28-29 февр.)

- «Сенатор Здислава Яновская организовала дискуссию о сексуальном образовании, в которой приняли участие лицеисты со всей Польши (...) «Это просто стыдно — показывать семнадцатилетним парням и девушкам фильмы о пчелке, летающей вокруг цветка», — сказала о семейном воспитании Моника Затыльная из Хшанува». (Гжегож Сокул, «Газета wyborча», 28-29 февр.)

- Яцек Куронь, празднующая свое 70-летие: «Человечество стоит на пороге новой эпохи, когда благодаря информационной революции у каждого будет равный доступ к науке и культуре». («Газета wyborча», 6-7 марта)

- В 2001 г. расходы на научные исследования и внедрение составили в Польше 0,7% ВВП. В среднем по Евросоюзу этот показатель равнялся 1,98% ВВП, а Европейская комиссия рекомендует удерживать его на уровне 3%. («Газета wyborча», 27 февр.)

- В этом году Большой оркестр рождественской помощи собрал более 27 млн. злотых. Деньги будут предназначены на закупку медицинского оборудования для отделений новорожденных и грудных детей. Фонд Овсяка уже купил искусственные сердечные желудочки для Центра здоровья ребенка. Желудочки необходимы детям, которым делают сложные кардиохирургические операции. («Жечпосполита», 2 марта)

- В Польшу с частным визитом прибыл король Испании Хуан Карлос. От его руки в Беловежской пуще должен погибнуть зубр — золотой медалист. Старший лесничий Кшиштоф Выробек, опекун стада зубров, говорит о своем подопечном: «Я держал его на случай приезда особого гостя». («Газета wyborча», 28-29 февр.)

- «Нью-йоркские рецензенты просто помешались на фильме Ежи Штура «Большой зверь» (...) Герой фильма — верблюд. Все ведущие нью-йоркские газеты и журналы напечатали хвалебные рецензии (...) Фильм Штура был закуплен для широкого проката. Он будет показан в кинотеатрах-студиях по всем Соединенным Штатам». (Збигнев Басара, «Газета wyborча», 21-22 февр.)

- Антиптицы — черные силуэты хищных птиц — появились на прозрачных звукопоглощающих экранах вдоль Торунской трассы в Варшаве. В прошлом году они были наклеены на стекла современного здания библиотеки Варшавского университета. С тех пор об них не разбилась ни одна птица. Ежегодно в варшавский птичий приют попадает более 2 тыс. птиц (не считая смертельных случаев), налетевших на прозрачные и отражающие небо поверхности. (*«Газета wyborча»*, 2 февр.)

- «Мы постепенно отказываемся от мнения, что только человеческая душа бессмертна. Всякой твари отведено в вечности надлежащее место. Какое? Оставим это Богу», — эту мысль иезуита о. Станислава Мусяла мы напечатали в нашей хронике три года назад. Вспомним же ее еще раз, чтобы тем самым почтить память священника, упокоившегося в вечности 5 марта сего года.

ЛЕТОПИСЦЫ КАТАСТРОФЫ

В архиве Еврейского исторического института в Варшаве находится необычайное, бесценное собрание — подпольный архив варшавского гетто, известный как архив Рингельблюма.

Собранные в нем в 1940–1943 гг. свидетельства и документы — в общей сложности свыше 35 тыс. страниц — из самого нутра показывают поочередные этапы массового уничтожения польских евреев. Это весьма разнородные источники, написанные по-польски (свыше половины всего собрания) и на идише, а также на иврите и по-немецки. Они были собраны и архивированы в гетто группой, сосредоточенной вокруг историка Эмануэля Рингельблюма. Почти никто из этих людей не выжил, но им удалось спасти большую часть архивных материалов. Публикуемая подборка содержит прежде всего индивидуальные свидетельства: рассказы, показания, письма, — в которых переданы испытания и чувства людей, обреченных на геноцид.

В январе 1943 г. Эмануэль Рингельблюм описал в своей «Хронике» историю подпольного архива варшавского гетто.

.

Эмануэль Рингельблюм (1900–1944) родился на восточных окраинах Польши, в Бучаче, но со времен учебы был связан с Варшавой. В 1920 г. он пытался поступить на медицинский факультет Варшавского университета, однако из-за еврейского происхождения не был принят. Записался на философский факультет, изучал историю. Входил в число учеников профессора Марцелия Хандельсмана. В 1927 г. получил степень доктора [кандидата наук. — Пер.] на основе монографии об истории евреев в Варшаве в Средние века. Получил также диплом учителя средней школы и вплоть до 1938 г. преподавал историю. Его страстью было изучение исторических источников, он много печатался, вел активную деятельность среди еврейских историков и в общественных организациях просвещения и взаимопомощи. Еще студентом он был связан с сионистским социалистическим движением «Поалей-Сион-Левые». После того как в 1925 г. в Вильне был создан Еврейский научный институт, он был одним из руководителей его варшавского филиала.

Начало войны застало его на Сионистском конгрессе в Женеве. Он считал, что немедленное возвращение в Польшу — его «гражданский долг». Позднее он имел возможность выбраться из оккупированной Варшавы, но решил остаться и заниматься социальной помощью. После создания «Еврейской социальной взаимопомощи» весной 1940 г. он стал председателем ее секции общественной работы, контактировал с делегациями евреев-беженцев из разных мест и с разными кругами варшавских евреев. Включился также в подпольную деятельность. Устанавливал различные контакты, которые потом использовал при создании общественного архива.

Подпольный архив гетто не возник бы без решительности и энергии Рингельблюма, который собрал вокруг себя полтора-два десятка постоянных и десятки временных сотрудников. Их задачей было собирать всевозможные исторические источники, а также, как сказали бы сегодня, документы общественной жизни; кроме того — активно добывать свидетельства: записывать устные рассказы, побуждать к писанию дневников, репортажей, ученических работ, проводить литературные конкурсы. Из всех этих материалов возникали наброски трудов, монографий, ибо архив должен был служить не только центром документации, но и подпольным научным институтом.

Эмануэль Рингельблюм:

На протяжении трех с половиной лет войны группа «Онег шабат» создала архив гетто. Название группы произошло от того, что ее совещания проводились обычно в субботу. Поэтому и группу — по конспиративным соображениям — называли «Онег шабат».

Первый фундамент под архив положил я в октябре 1939 г. В Варшаве тогда царила страшная подавленность. Каждый день приносил новые ограничения, накладываемые на евреев. (...) Люди тогда боялись писать, так как ожидали обыска. Со временем они успокоились. (...) Немцам было неважно, что делает еврей у себя дома. И еврей принялся писать. Писали все: журналисты, литераторы, учителя, общественные деятели, молодежь, даже дети.

Из варшавского дневника Войдыславского:

1 сентября 1939

С перекопанных улиц, из стрелковых траншей, из засыпанных песком окон, с плакатов, извещающих о мобилизации, сложилось одно-единственное жуткое слово: Война!

Через город проходят воинские части. Длинные. Нескончаемые. Серые. Топот. Сапоги.

(...) Война вошла, ворвалась в город, вторглась в закрытые, тихие дома, оживила подавленных людей, порвала нити, соединявшие их со службой или цехом, расшевелила этот плотный, сбитый клубок существ, составляющих население Варшавы. Всех захватила врасплох.

(...)

25 сентября 1939

(...) Пережил этот ужасный месяц. Месяц чудовищный, месяц крови, трупов и смерти, месяц огня.

(...) Вышел на улицу, удивительно, неестественно тихую. Удивительно! Ни свиста падающих, ни грома разрывающихся бомб, ни грохота шрапнели. Зато всюду трупы, трупы, трупы...

(...) Скелет. Скелет дома, вся плоть объедена, без крыши, смотрит пустыми, черными глазницами окон. Почерневшие от огня и дыма стены не скрывали внутренностей, не заслоняли того, что творилось за ними. Труп девушки, обнаженный, выставял напоказ молодое, с прекрасными формами тело. Этот живот, явно обозначенная грудь, бледная, без всякой порчи. Только на бедре виднелось маленькое пятнышко. Там вошел осколок шрапнели. И эти глаза! Глаза!! Открытые, словно разодранные смертельной болью и страхом, бездонные глаза, в которых сохранилась вся боль, вся боязнь смерти, глаза, которые будут жить, пока будут войны. Недалеко другие останки. Останки мужчины, засыпанные кирпичами и штукатуркой, окровавленные. Останки, в которые какая-то мощная сила вбила поперек горящую балку. Через живот и грудь был брошен кусок древесного угля. И углем была эта одежда, углем было тело. Только лицо, обращенное вверх, прямо к небу, будто вопиющее о мести, добивающееся кары, было нетронуту. (...)

Умер Данте и не воскреснет, но если бы даже и был, то и он не передал бы, не нарисовал бы эти тысячи трупов людей, коней и домов, которые все в немой жалобе лежали неподвижно, обнаженные, не прикрытые, грозные. Все как будто задавали

небу и земле один и тот же вопрос: «За что? Во имя чего? По какому праву?»

Из записок Х.С. (Варшава):

Немцы заняли город. В соответствии с актом капитуляции — каждый день раздают 200 тысяч порций супа и хлеб бедному польскому населению.

Суп привозят на раздаточные пункты в полевых кухнях. Супом этим пользуется и горстка оголодалых евреев.

Уже через 2–4 дня можно было увидеть женщин и подростков, указывавших немцам пальцем на стоящих в очереди евреев: «Das ist Jude» — и подстрекавших выгнать евреев из очереди.

На улицах все чаще можно встретить подростков, бездумно твердящих себе самим — упражняющихся: «Verfluchter, das ist Jude, das ist Jude!».

Эмануэль Рингельблюм:

Я приступил к собиранию материалов о нынешних временах еще в октябре 1939 г. Будучи руководителем «Еврейской общественной взаимопомощи», я был в ежедневном контакте с окружающей жизнью. До меня доходили известия обо всем, что творилось с евреями в Варшаве и пригородах. Координационная комиссия была мутацией «Джойнта», куда почти каждый день прибывали делегации из провинции и рассказывали о тяжких испытаниях еврейского населения. Все, чего я за день наслушался, вечером записывал и снабжал примечаниями.

(...) В мае 1940 г. я счел целесообразным придать этой крайне важной работе общественный характер. Подобрал соответствующих людей, и благодаря им деятельность развилась в надлежащем направлении и надлежащем объеме.

Фрагмент рассказа беженца из Добжыни на Дрвенце:

6 сентября 1939 г. немцы заняли город и тут же принялись грабить продовольственные и текстильные лавки. За два дня они перетрясли все без исключения лавки и дома. На Новый год (Рош-Гашана) приказали всем мужчинам в возрасте от 15 до 60 лет собраться на рыночной площади, угрожая за невыполнение приказа смертной казнью. Несмотря на это немцы ходили и от дома к дому, вытаскивали всех в талесах и шелковых халатах из синагоги и других мест, загнали в грузовики и вывезли в неизвестном направлении. С тех пор и следа от них не осталось.

В городе начали проводить обыски, забирая из хозяйств все самое ценное, сажая мужчин в тюрьму и требуя денег за их освобождение. Во время обысков они требовали, чтобы молодые, 18–20 летние девушки раздевались догола, а за отказ страшно избивали. Гмина должна была ежедневно доставлять 50 мужчин на тяжелые работы у моста, а из еврейских лавок начали вывозить весь товар. Работой руководила местная полиция.

Три дня назад арестовали всех евреев из Голубя. 9 ноября в 8 часов утра в обоих городах собрали полторы тысячи человек в присутствии немцев в штатском. Всем евреям было приказано в 10 минут покинуть свое жилье и явиться на Рыночную площадь. Собрав всех жителей на Рынке, староста потребовал, чтобы евреи выплатили контрибуцию в размере 50 тыс. злотых. Выбрали четырех ответственных (за ход операции) из евреев, было обещано, что после выплаты все смогут идти куда захотят. В местечке собрали 23 тыс. злотых, две корзины серебряных подсвечников, много золота и т.п., а потом всех старых и больных погнали из города. Плач и крики на шоссе были неопишуемые. Люди оставляли на дороге все, что забрали с собой, не имея сил тащить. Город насчитывал 600 семей, в целом три тысячи душ, и все они, избитые, были изгнаны.

Из рассказа Ханны Левкович:

[Ноябрь 1939] Под вечер, после пяти часов езды, голодные и измученные, мы вылезаем на темной станции в Малкине. Что там творилось, какие обыски прошли, как коварно обманывали людей, как их завели в самые мрачные трущобы, как их били и грабили — об этом трудно рассказывать и слишком трудно об этом вспоминать. Наконец в полночь, после всех перипетий, полностью ограбленные, без гроша за душой, голодные и жутко подавленные морально, мы трогаемся в сторону границы. (...) Все мы питаем потаенную надежду, что вскоре окажемся за границей и начнем новую жизнь. Постепенно рассветает. Мы доходим до границы, но... закрытой. Российский вояка сидит в теплой куртке за решеткой из колючей проволоки и на все просьбы, мольбы, вопросы столпившихся людей отвечает: «Закрыто». Он не слышит воплей, плача, проклятий, не видит лиц, искривленных болью, и фигур, скорчившихся от холода; не хочет даже заметить совершенно израненного человека, истекающего кровью. Ничто его не трогает, ничто не достигает его сердца. Это не человек, а службист.

Утром часть людей забирает свои узелки и идет на железнодорожные пути, на другую границу. (...)

Мы выходим в поле, и вдруг нашего слуха достигает страшный шум. Вдали видны тысячи людей, раскинувших табор и ждущих, что откроются ворота в рай. Вид такого множества людей, суесящихся под чистым небом, производит на нас ужасающее впечатление. Когда мы приближаемся, нас сразу осаждают разные люди, расспрашивая, что с нами было. Когда мы рассказываем о нашем отчаянии, голоде и нашем разочаровании, они печально улыбаются. «Я здесь уже третий день», — говорит один. «А я тут голодаю уже пятый день», — отвечает другой. (...) С двух сторон валы, а внизу между ними железнодорожная линия. На валах сидят люди, завернувшись в платки, тряпки, одеяла. Вокруг них их хозяйство: рюкзаки, бутылка, кастрюлька, ложка.

(...) Ночи на пограничной полосе — а я провела их семь — это худший кошмар, какой можно себе вообразить. Люди крутятся, топчут ногами, греют руки, спят. Вдруг страшный, на всю окрестность крик: *«От-крой-те гра-ни-цу! Хо лод! Го лод! Смерть!»* [Выделенное курсивом здесь и далее — по-русски в тексте. — Пер.] Сколько раз вспоминаю свое пребывание на полосе, все еще слышу этот крик, исходящий из тысячи человеческих грудей.

(...) организовали штурм. Все стали в ряд на валу — с узелками, рюкзаками, некоторые с огромными сундуками, чемоданами, мешками. По поданному сигналу все двинулись вперед. Однако мы продвинулись лишь на несколько шагов, потому что вскоре нам загрозили дорогу русские солдаты с винтовками в руках. Мы все равно, не обращая на них внимания, шли вперед. Началась стрельба. Мы все равно шли под пулями, совершенно не испытывая страха, не понимая, что пуля может попасть в кого-то из нас, ни о чем не задумываясь. Шли к спасению. (...) Мы прошли уже около 7 километров (были за километр от цели), когда внезапный крик парализовал наши шаги. Это русские пограничники остановили нас. Несколько минут шли переговоры, убеждения. Молодежь на ломаном русском языке убеждала солдат, что «мы хотим в Матушку-Советы, германцы нас бьют». Единственным ответом было: «Вперед!». И мы были вынуждены пуститься в долгий обратный путь, все время подгоняемые криками «вперед», подталкиваемые и гонимые. Через несколько часов мы опять оказались на прежнем месте.

Фрагменты рассказа беженца из Ловича:

20 декабря 1939 г. в Лович привезли сотни евреев из Лодзи и ее окрестностей — в страшном состоянии.

Положение евреев в Ловиче ухудшалось с каждым днем. Перед еврейской Пасхой 1940 г. появилось новое несчастье, связанное с распространявшимися из-за тесноты болезнями и немецким лозунгом «борьбы с эпидемией». Под этим лозунгом закрыли улицу Здунска-Воля, что стало началом гетто, созданного несколькими неделями позже. Это было первое в округе Варшавы гетто, огороженное стеной.

(...)

22 февраля 1941 г., несмотря на заверения властей, Юденрат [еврейский совет, «самоуправление» гетто] получил распоряжение о том, что по 300 евреев ежедневно должны покидать город, так чтобы до 13 марта Лович был очищен от евреев. (...) Восемь тысяч евреев ушли в Варшаву, где медленно умирают от нищеты и голода.

Эмануэль Рингельблюм:

«Онег шабат» старался создать всестороннюю картину жизни евреев во время войны. Речь шла о верном изображении того, что пережили еврейские массы, о чем они думали и что претерпели. Мы старались, чтобы одно и то же событие, например история данной еврейской общины, было описано взрослыми и молодежью, набожным евреем (...) и евреем, далеким от религии. (...)

Всесторонность была главным принципом нашей деятельности. Объективизм был вторым принципом, который нами руководил. Мы старались передать всю истину, какой бы горькой она ни была. Наши фотографии верны, не ретушированы.

Из «Хроники» Эмануэля Рингельблюма:

Мы верим, что ввиду глубоких перемен, происшедших в жизни, Новая Польша будет совсем другая, прекраснее, лучше. Антисемитские нападения кто-то организует. В них принимают участие юные, 9-10-летние хулиганы. Им боятся как следует ответить, хотя кое-где противостоят (на Кармелитской). Один немец командовал бандой, которая сыпала удары направо и налево.

(...)

Сегодня, 29 сентября [1940], я получил в зубы за то, что не поклонился [немцу].

(...) Сегодня, в субботу 12 октября, было страшно. Через громкоговорители объявили о разделении города на три части: немецкую, охватывающую Центр вместе с улицей Новый Свет, польскую и еврейскую. До конца октября все — кроме немцев — должны переселиться без мебели. В нашем доме на всех этажах царит отчаяние.

Эмануэль Рингельблюм:

Наши постоянные сотрудники, а их было несколько десятков, в подавляющем большинстве были интеллигентами родом из простого народа. Главным образом это были члены пролетарских партий. Мы умышленно не привлекли к этой работе профессиональных журналистов: не хотели, чтобы нашей деятельности была придана какая-то общая схема. Мы желали, чтобы события в каждом местечке, переживания каждого еврея (а ведь каждый еврей во время этой войны — это отдельный, индивидуальный мир) были переданы как можно более просто, как можно более верно. Каждое лишнее слово, каждое литературное подкрашивание или украшательство раздражало, вызывая отталкивание и ощущение дурного вкуса. Жизнь евреев во время этой войны так трагична, что не требует лишних слов.

(...) представители землячеств после ежедневного неустанного труда в комитете — при раздаче хлеба или других занятиях — по вечерам, пользуясь нашими конспектами, записывали истории своих местечек или рассказывали их нашим сотрудникам, которые потом этот материал обрабатывали. Это был сложный и нелегкий труд. В гетто царила жуткая теснота, беженцы жили в таких условиях, что худших просто и не вообразишь; поэтому очень трудно было все делать конспиративно. В зимние морозные дни не выходили [из жилья]. В большинстве еврейских домов в последнюю зиму не было электричества. То факт, что мы писали, был связан с известным риском и огромными трудностями, а ведь на то, чтоб написать монографию о местечке, требовался труд долгих недель и месяцев.

(...) «Онег Шабат» старался незамедлительно увековечить любое явление, ибо каждый день равнялся десяткам лет в прежние времена; во многих случаях нам это удавалось.

Из варшавского дневника Войдыславского:

Стены поперек улиц.

На перекрестке стоит жандарм. На тротуаре — толпа людей. Головы не покрыты. Глаза со страхом вглядываются в жандарма — властелина жизни и смерти. Ждут его движения, чтобы он милостиво позволил им перейти на другую сторону. Рукой со шпигрутенон он совершает странное, неопределенное движение. Толпа закружилась, и все хотят бегом попасть на другую сторону.

«Halt! Zurück!»

Головы смиренно склоняются, и люди возвращаются на прежнее место. Это зрелище повторилось три раза, прежде чем милостивый диктатор позволил им добежать до противоположного тротуара. Первые ряды уже добежали и бегут вглубь улицы, освобождая место следующим. Уже последние люди добегают до тротуара, но не успели. Выстрел. На мостовой лежат два тела.

Двумя евреями на свете меньше.

Стена. Граница гетто. Из окна видны обе стороны улицы. В стене внизу есть сточное отверстие, через которое может пройти ребенок. В углу у стены стоят двое солдат, а с еврейской стороны, из гетто, приходит мать с ребенком. Этот шестилетний ребенок — кормилец всей семьи, через сточную канаву он протаскивает в гетто продукты для семьи. И теперь тоже, запасшись деньгами и мешком, он наклоняется и начинает ползти в отверстие. Просунув голову, он принимается глядеть во все стороны и встречается взглядом с изготавившимися солдатами.

Ребенок дергается, рвется обратно, но здесь стоит мать и подталкивает его ноги туда, туда — за продуктами.

Из «Хроники» Эмануэля Рингельблюма

Февраль 1941

В последнее время почти каждый день на улицах, посреди тротуара, лежат потерявшие сознание или умершие люди. Это уже совсем не производит впечатления. Улицы постоянно наполнены новоприбывшими беженцами. Фуры или грузовики перегружены «бебехами» еврейской бедноты, производят ужасное впечатление.

(...)

Часты случаи, когда из помоек извлекают остатки еды. В то же время есть квартиры, где каждый день едят апельсины по 25 зл.

за килограмм, виноград и т.п. Открывается все больше развлекательных заведений.

(...)

26 апреля 1941

(...) Я слышал такие слова: «Война выявила все самое лучшее и самое худшее. В великом огне всё очищается». Помощь евреям и зоологический антисемитизм, каменные сердца и величайшая готовность к самопожертвованию ради голодающих.

(...)

Конец августа 1941

(...) Умиравшие с голоду — это большей частью беженцы из провинции, которые чувствуют себя потерянными в чуждой среде, со всем смиряются. Их протест выражается в нищенских жалобах и энергичном требовании милостыни от прохожих, в разжигании малейшего скандала в своей среде, в требовании куска хлеба от учреждений или домового комитета. (...) Покричат немножко, а потом умолкают и смиренно ожидают смерти.

Лейб Голдин, из «Хроники одной эпохи»

(Варшава, август 1941 г. — в мае 1942-го автор погиб в Треблинке)

(...) Я голодный. Есть, есть, есть!

Последний суп — вчера, без двадцати час. Ближайший — сегодня, в то же самое время. Сколько осталось? Восемь часов. Хотя всерьез последний час, тот, что после двенадцати, можно бы уже и не считать. Тогда ты уже в кухне, тебя овевают запахи из котла, ты уже готовишься. Уже видишь суп. Так что, выходит, остается всего лишь семь часов.

Всего лишь семь часов. Смешно! Семь часов, говоришь, дурачина, — это всего лишь. Ну вот именно, как выдержать эти семь часов, да что там, ближайшие два часа? Читаешь, ничего тебе не входит в голову. (...) Кончаешь уже вторую страницу и по-прежнему ничего не понимаешь. Вчера был жидкий суп, да еще и остывший. Ты досыпал соли, которую не удалось размешать. Вчера же умер Фридман. С голоду. Разумеется, с голоду. Видно было, что долго не протянет. А у меня рези в желудке. Вот если бы теперь иметь четвертушку хлеба! Такую

четырехугольную, из тех, что лежат в каждой витрине, на каждом лотке уличного торговца. (...)

А вчера умер Фридман. С голоду. С голоду? Когда я его увидел голого, в тот момент, как его кидали в огромную братскую могилу (все затыкали носы платками, за исключением меня и его матери), у него был порез на шее. Так, может, не с голоду? Неужто покончил с собой? Да нет, сегодня не принято лишать себя жизни. Самоубийство тоже относится к реквизиту старого доброго времени. (...) Голод — это что-то звериное, дикое, примитивное; да-да, это дело звериное. Раз ты голодный — перестаешь быть человеком, становишься зверем. А звери не знают, что такое самоубийство.

(...)

Видел ты, как вчера хоронили? Как мусор, волокли останки в ров. Движение ящика дном вверх, и дело сделано. На лицах присутствующих появилось при этом потрясающее отвращение, как будто смерть брала реванш за то, что ее лишили нимба тайны, всяких этих побочных, излишних аксессуаров, которые ей приписывали.

(...)

В воздухе ранней осени и уличной жары носится запах пота и трупная вонь, словно исходящая из помещения на кладбище, куда привозят гробы перед похоронами. (...) Спотыкаешься обо что-то на земле. Чуть не упал. Но две твои ноги все-таки удержали равновесие. На земле, во всю ширину тротуара, лежит куча тряпья с зеленым, заросшим клубком грязи, который когда-то был человеческим лицом с бородой. (...) Башмаки кто-то уже успел стащить и заработать на них, пусть хоть штаны остались! (...) Из подворотни медленно, мешкая выходит дворник с кирпичами и куском старой, измазанной газеты, заворачивает труп и медленно уходит назад. Сделано.

(...) Когда-то, много лет назад, захлопотанная мать, купая ребенка, верила, что ее сын — самый умный, самый способный, самый красивый. (...) А теперь этот самый способный в мире сын лежит на чужой улице, и даже неизвестно, как его когда-то звали, лежит и разлагается, а вместо матери целует его в голову кирпич, а мелкий дождик размывает замазанную газетную бумагу вокруг его лица.

М.Рубинштейн в ответе на анкету,

предложенную учащимся в полуинтернате (Варшава, сентябрь 1941):

Наступила зима. Тогда-то мы и начали голодать. Никто нам не помогал. Когда наступили большие морозы, мы целыми днями лежали в постели. Тогда мы продавали последнее, что оставалось в квартире. Мамуся продала свое пальто, а когда стало еще хуже — даже шкаф и стол, так как шкаф был уже пустой. И этого ненадолго хватило. Мы лежали в постелях как трупы. На ногах и руках у нас были раны от холода. Соседи думали, что мы уже умерли: такие случаи в нашем доме не были новостью. И были моменты, когда мамуся и я были без сознания. И наверное уже нас не было бы в живых, если бы мы не попали в клуб, который [потом] превратился в полуинтернат.

Из отчета Эстеры Карась о клубе при убежищах для переселенцев (Варшава, декабрь 1941):

Прибываем в пункт. Как обухом ударяет в голову густой, почти осязаемый дух человеческих выделений, гнилых отбросов и серы после недавней дезинфекции. По лестнице надо подниматься осторожно, потому что по всей ее ширине стекают ручьи и кал. Облегченно вздыхаю на пороге клуба. И сразу меня охватывает пронзительный холод. Дети под действием магнетической силы еды собираются тут же. Проверяю чистоту. Белье неделями не стирано. Руки покрыты чесоткой, болят, когда их моют. Дети садятся за столы. (...)

Теперь я беру сумку с сахаром и иду от палаты к палате навестить больных детей. В палатах грязь и какое-то душное тепло. Стены покрывает мокрая плесень. Гляжу на эти худые, покрытые прыщами и чирьями фигуры, лежащие под тряпьем на голых нарах в грязи и смраде, на эти голодные глаза и думаю, на кого падает ответственность за тех детей, что здоровы, но из-за нехватки одежды лежат в постелях, за того, кое-как одетого, но не имеющего теплого угла, за умерших в детстве, за больных чесоткой, краснухой, туберкулезом; на кого падает ответственность за все это гниющее поколение.

Из текста Станислава Ружицкого

**«Первые впечатления. Возвращение в родное гнездо»
(Варшава, 7 декабря 1941):**

Хочу вернуться домой. Это чувство тоски по дому полностью меня охватывает, не оставляет никаких размышлений. Я должен вернуться, хватит с меня двухлетних скитаний,

беженской доли и одиночества на чужбине. Как и все беженцы, я вынес один мудрый урок: нельзя уходить из дому. (...) Я знаю, что меня ждет перспектива быть запертым в гетто, но ничего не поделаешь. (...) В конце концов, гетто — не самое большое несчастье.

(...)

Прохожу через брешь в стене и попадаю в объятия еврейских полицейских, клетка захлопывается за мной, чувствую себя ужасно, как мышь в мышеловке, как герой детективного фильма, входящий в подвалы, погреба или могильный склеп, который вдруг неслышно закрывается за его спиной, тронутый невидимой рукой. Прихожу в себя после первого неприятного чувства, щиплю себе руки, стараюсь реально смотреть на окружающее. Начинаю идти по улицам.

Сначала я смотрю на всё и всех глазами пришельца из далеких стран, который посещает экзотические и эксцентричные для него кварталы. Что стало со мной? Я же знаю здесь каждую улицу, почти каждый дом, каждого второго человека. И тем не менее не узнаю улиц, не узнаю людей. Не знаю, на какой улице нахожусь, не умею найти дорогу к своему дому. Стены, эти символы человеческого позора и унижения, так затрудняют мне путь. Не могу избавиться от невероятной тревоги и страха, который меня внезапно охватывает. Я еще ничего не пережил, а уже чувствую себя — как все, — словно затравленный зверь, загнанный ниже уровня жизни человечества.

(...) Смотрю, что творится на улице. Невероятное движение, шум, толкучка, стоны, плачи, ссоры... Через узкие тропинки бывших улиц, через овраги, соединяющие две стороны гетто, проходят тысячи людей, переливаются неустанные волны прохожих. Тротуаров не хватает, надо пользоваться мостовой, на которой тоже царит сильнейшее движение, хотя ездят лишь время от времени немецкие автомобили, а кроме того немного повозок, один еврейский трамвай и рикши «made un getto». (...) грязно, темно, душно, холодно, чуждо. Бр-р-р!

Новоприбывшего поражает другое явление, мрачное, ужасающее: на стенах почти каждого дома видны некрологи; похороны, характерный запах дезинфицируемых вещей, мощный запах карболки, жалкие заменители карет «скорой помощи», постоянно проезжающие по улицам, (...) городом овладел мор (...)

На улицах безуспешно попрошайничают умирающие с голоду дети. Воют, молят, поют, причитают, дрожат от холода, без

белья, без одежды, без обуви, в лохмотьях, мешках, тряпках, обвязанных веревкой вокруг убогого скелета, опухшие с голоду, деформированные, в полуобморочном состоянии, на пятом году жизни уже совершенно взрослые, мрачные и разочарованные, как старики. (...)

Я больше уже не гляжу на людей, когда слышу стоны и рыдания, перехожу на другую сторону, когда вижу оборванца, дрожащего от холода, вытянувшегося на земле, отворачиваюсь и не хочу видеть... Не могу. Слишком много сразу. И это всего один час...

В.Браун о посещении беженского пункта:

В субботу 24 января 1942 г. вместе с г-ном Ицхоком Кацнельсоном я посетил беженский пункт на ул. Ставки, дом 9.

(...) заведующий пунктом провел нас по разным комнатам, где живут беженцы. Картину этих помещений трудно описать. Комнаты всю зиму не обогревались, грязь в комнатах ужасающая, там и сям видно только черное белье на нарах, под которым собрались главным образом дети, у которых нет ни башмаков, ни рубашек, ни, наконец, сил двигаться.

(...)

Мало того, что беженцы не видели отцовского приема и братской помощи, но они оставлены на волю всех бичей: голода, мороза, болезней, при жизни брошены в общие могилы, цинично называемые беженскими пунктами, может быть потому, что это были этапные пункты, откуда мало кто ушел живым — чаще жизнь от них ушла. Дети дегенерировали при виде пещерной жизни родителей, лишены материнского тепла и даже обычного, физического тепла, были свидетелями позорного пренебрежения и полного равнодушия общества.

Из дневника Рахели Ауэрбах:

[Варшава, 29 мая 1942] Час в одном из «центров». Переживание. Вид цветущих, восходящих с грядки растеньиц, молодой листвы на деревьях, пенящейся в лучах солнца, шевелимой ветерком. В эти дни мне кто-то рассказывал, как шел за двумя девчушками и подслушал их разговор. Одиннадцатилетняя рассказывала шести-семилетней о Лазенках. Это звучало как сказка. (...) Тропинки и клумбы. А что значит «клумбы»? И пруд, и лебеди. А что значит «пруд», что значит «лебеди»? Разговор увяз в нелегких объяснениях, в словесных глоссах к этой легенде былого.

Увидев на столе несколько веток сирени в банке с водой, одна пани попросила меня сегодня «одолжить» цветок сирени, чтобы показать своему ребенку, который еще в своей жизни сирени не видел и спрашивает: «А что такое сирень?» — «Такой цветок». — «А что такое цветок?»

Из «Хроники» Эмануэля Рингельблюма:

Пятница, 26 июня 1942 г., — для «Онег шабата» день больших событий. (...) На протяжении долгих месяцев мы страдали оттого, что свет глух и нем к нашей трагедии, не имеющей себе равной в истории. У нас были претензии к польской общественности, к органам, остающимся в контакте с польским правительством, из-за того, что они не сообщают о резне польских евреев, что мир об этом не знает. Мы обвиняли польские органы в том, что они сознательно замалчивают нашу трагедию, чтоб она не затмила их собственную трагедию. Все обращения, по-видимому, достигли своей цели. В последние недели английское радио постоянно передавало сообщения о зверском обращении с польскими евреями: Хелмно, Вильно, Белжец и т.д. Сегодня передали в сокращении отчет о положении польских евреев и сказали, что в Польше уничтожено 70 тыс. евреев. Одновременно обещали мстить и привлечь к ответственности за совершенные насилия. Группа «Онег шабат» тем самым исполнила великую историческую миссию, вызвала в мире тревогу за нашу судьбу и, может быть, спасла десятки тысяч польских евреев от гибели. Это последнее покажет, разумеется, ближайшее будущее.

Из рассказа Яцека Гройновского (Шламека Байлера)

из Избицы-Куявской, беглеца из центра массового уничтожения в Хелмне-на-Нере:

10 января 1942

Около 11-ти появилась первая машина с еврейскими жертвами.

Жертвы: мужчины, женщины и дети — были в одном белье. Когда их вышвыривали из машины, подходили два немца в штатском и проводили дотошный обыск трупов в поисках ценностей. Они срывали цепочки с шеи, стаскивали обручальные кольца, вырывали золотые зубы. Заглядывали даже в прямую кишку, а женщинам — в детородные органы. Дальнейшие процедуры протекали в соответствии с планом. Только после появления этого еврейского этапа были выбраны «чернорабочие», как обычно, восемь. В этапе были евреи из Клодавы, о чем сообщил Гецель Хшонстковский, сам

клодавянин. Управившись с этой первой машиной, «чернорабочие» вернулись к предыдущей работе, т.е. к закапыванию трупов. В полвторого была уже вторая машина. В какой-то момент Айзенштаб, тоже клодавянин, начал тихо плакать, говоря, что ему уже незачем жить: он видел, как зарывали трупы его жены и единственной 15-летней дочери.

12 января

В этот день нас погоняли с особым зверством. Не позволили подождать, пока улетучится газ из открытой машины с жертвами. Крики мучимых неописуемы. Сразу после первой машины прибыла вторая, а около 12-ти была еще третья. Когда мы пошли на обед, а те восьмеро еще остались во рву, чтобы закончить партию, подъехал черный лимузин, откуда вышли четыре офицера СС. Они тоже выслушали рапорт «Быковца» [кличка от слова, означающего короткий ременной кнут. — Пер.], пожимая ему руку с большим удовлетворением. Проявляя свое удовольствие, «Быковец» еще раз отхлестал «чернорабочих». После отъезда эсэсовцев восьмерка «чернорабочих» тоже принялась за свой обед: горький кофе и замерзший хлеб. Около часу приехала новая машина с жертвами. В этот день, а работали до шести часов, захоронили девять машин, каждая привезла 60 евреев, всего около 500 жертв из Клодавы.

В какой-то момент Гецель Хшонстковский узнал своего 14-летнего сына, которого швырнули в могилу.

(...)

После работы убили троих старых «чернорабочих», а нам велели быстро засыпать могилу... Из-за позднего часа — было уже почти совсем темно — немцы, видимо, опасаясь сопротивления, поспешно разделили нас и загнали в машины.

(...)

15 января

(...) Во время обеда дошло до меня печальное известие о том, что мои дорогие родители и мой брат уже лежат в могиле. В час мы были снова на работе. Я старался подойти поближе к покойникам, чтобы в последний раз поглядеть на моих родных. Получил при этом мерзлым комом земли от «добродушного» немца с трубкой, а «Быковец» в меня выстрелил. Не знаю, намеренно ли не попал или у него не получилось, — главное, что я уцелел. Не обращая внимания на боль, я работал очень

быстро, чтобы хоть на мгновение забыть о страшной потере. Я остался один, одинокий во всем мире как перст. Из моей семьи, которая насчитывала 60 человек, я единственный остался в живых. Под вечер, когда мы помогали могильщикам засыпать покойников, я в какой-то момент оставил заступ, и вместе с Подхлебником мы тихо прочитали кадиш. Перед выходом из выкопанного рва застрелили трех «чернорабочих». Вечером нас отвезли в камеру. Люди из Избицы были в отчаянии. Мы осознали, что никого из родных при жизни не увидим. Я тоже собой не владел, ничто меня уже не волновало. (...)

В понедельник 19 января 1942 г. мы грузились в большой автобус. Я всех пропустил вперед, а сам вошел последним. Жандармы сидели впереди, позади нас в тот день жандармы не ехали. У меня справа было окошко, которое открывалось просто. (...) Я быстро открутил окошко, высунул ноги, сполз ниже, схватился рукой за ящик, а ноги упер в дверцы, сказал товарищам, чтобы, как только я выскочу, сразу обратно закрутили окошко, и кинулся вниз.

Из письма неизвестной Фели родным в варшавское гетто (Кутно, 27 января 1942):

Дорогие мои! Уже писала вам одну открытку о том, какая судьба нас встретила. Вывезли нас из Хелмна и задушили газом. Лежит там уже 25 тысяч евреев. Резня идет дальше. Не сжалитесь ли вы над нами? Я, Натан, ребенок и мама спаслись, а больше никто. Что с нами будет дальше, не знаю, уже нет сил жить.

Из письма неизвестного отправителя другу в варшавское гетто (Хелм, 10 апреля 1942):

Наш праздник Пасхи мы пережили в великом страхе и ужасе. Не сумею описать наши дни и ночи. С первого дня перед праздником мы уже ни секунды ни в чем не уверены. Смерть ходит по улицам. Нам нужно великое милосердие.

Эмануэль Рингельблюм:

(...) новое несчастье обрушилось на головы варшавских евреев, несчастье, которое поглотило 300 тысяч жертв, — выселение.

Только очень немногие товарищи не выпустили в эти трагические дни пера из руки и продолжали писать о том, что творилось в Варшаве. Слишком святое это было дело, слишком прочно вросло оно в сердца сотрудников «Онег шабата», выполняющего такую важную общественную

функцию, чтобы можно было полностью прервать эту деятельность.

Мы старались — на основе рассказов тех, кто вернулся из разных лагерей в провинции, — воссоздать страдания евреев в провинциальных городах во время выселения. Когда я пишу эти слова, труд в полном разгаре, и если нам дадут еще немного спокойствия, мы достигнем того, что ни один важнейший факт из жизни евреев во время войны не будет утаен от мира.

Из рассказа Дихтерман (беженки из Грубешова):

В субботу 30 мая 1942 г. стало известно, что в еврейский совет пришло пять запечатанных писем относительно следующих городов: Грубешова, Дубенки, Грабовца, Угани и Белза. (...) окольным путем нам удалось узнать, что в этих письменных распоряжениях говорилось, в частности, о запрете еврейскому обществу перебираться с места на место в период с 1 по 7 июня. В городе вспыхнула паника. (...)

В воздухе носилось что-то страшное, однако определить, что́, было никак нельзя. Следующий день, воскресенье 31 мая, был, пожалуй, самый страшный, если говорить о настроениях. Всех охватила какая-то нервная суета. Готовили узелки. Женщины пекли хлеб. Никто ничего не варил. Перед зданием еврейского совета собиралась толпа. Все хотели знать, как обстоят дела. Утешались тем, что, может, все-таки в последний момент удастся избавиться от этой опасности. Беспорядочная беготня без цели и смысла. Некоторые проверяли свои предварительно выстроенные укрывища (...) Всюду были видны группки женщин и мужчин. Нервно разговаривали об «операции», причем никто не понимал смысла этого страшного слова. Удивительно, что некоторые мало что говорящие слова приобретают просто чудовищное значение. (...)

Все были расстроены. Собственно говоря, я не могу лучше определить это психическое состояние. У меня сложилось впечатление, что все находились в состоянии неполной вменяемости. Никто не был способен задуматься над создавшимся положением, вчувствоваться в него. Власть ума была «хлороформирована».

Всюду узелки и мешочки. Некоторые люди стоят на пороге безумия. Их глаза зияют сумасшедшим, диким страхом. (...)

(...) Вместе с приближающимся комендантским часом росли напряженность и страх. (...) Какие-то действия выполнялись

скорее подсознательно.

Начиная с шести часов вечера сотрудники службы порядка начали обходить все еврейские дома. Велели приготовиться к двум часам ночи и иметь с собой 15 кг багажа и на семь дней продовольствия. (...) Всюду горел свет. Никто не ложился спать. Меня охватила безбрежная печаль и сожаления о минувшем счастье и о свободе, которой мы все дожидались. В нашу квартирку пришли соседи.

(...) В 3.30 пришел к нам наверх еврейский полицейский и велел выходить. Мы встали, навесили на себя узлы, разбудили ребенка и спустились вниз.

(...) В 4.00 мы пошли маршем на Рыночную площадь. В противоположность этапным пунктам, где были слышны жалобы и причитания женщин и плач детей, на сборном пункте царила удивительная, невероятная тишина. Эта тишина больше угнетала нас и подавляла, чем плач евреев и крики полицейских. По бокам стояла еврейская служба порядка и санитарная служба, а по площади расхаживали немцы.

Толпа производила впечатление пассивной массы, смилившейся с судьбой. Сравнение со стадом овец, гонимых на бойню, при всей своей банальности все-таки остается самым подходящим. (...)

В последний момент мне удалось вместе с ребенком и мужем уцелеть благодаря «трюку» с обмороком. Как я потом узнала, ландрат требовал контингента численностью 2,5 тыс. человек а на площадь явилось около трех тысяч.

(...) В субботу 6 июня (...) вечером, после 19.00, мы спрятались вместе с мужниной невесткой и двумя соседями (ребенка мы оставили в больнице) в наше укровище на чердаке. Мы едва могли лежать на спине. Пауки, сороконожки и другие насекомые ползали по нам. Нехватка простора, воздуха и темнота не давали ни минуты спокойствия. (...) Сквозь щели в стенах (дома деревянные) мы смотрели, что делалось на улице. Польские и украинские подростки обходили еврейские домишки, помогая находить спрятавшихся евреев. Кроме того грабили («Франек, смотри, какая красивая сумка! Сташек, вот тебе шапка!»). Город был вымершим. Мы не видели больше ни одного еврея. (...) После обеда мы видели, как немецкие солдаты шли с девушками осматривать опустелый еврейский район.

(...)

После разных перипетий в четверг 11 июня мы прибыли в Варшаву. На площади Спасителя нас разоблачил польский полицейский. Он отвел нас в участок на Познанской, где после долгих переговоров, в которых участвовал сам полицейский комиссар, договорились, что за 2 тыс. злотых нас отправят в гетто. (...) Истощенные, обнищавшие, без самой необходимой одежды, без денег, мы ищем поддержки. И что дальше, несчастный еврейский скиталец?

**Из варшавского дневника Лейзора Черноброды,
рабочего в мастерской «Ostdeutsche Bauschlerei-Werkstatte»:**

(...) Сегодня 28 августа. Началось 22 июля. Почему мы не плачем? почему не раздираем одежд? В любой момент нас ждет та же самая жестокая судьба, какая встретила наши семьи, матерей, отцов, сестер, братьев, удушенных газом и замученных в застенках. Мы не можем плакать, неспособны выжать хоть одну слезинку из глаз. Плакать способен человек. Плачут перед кем-то! Мы перестали быть людьми!

Мы — боль, мука, кровавая тень убитых, родных, друзей. Если бы я мог, я открыл бы вены, намочил перо в собственной крови и писал эти слова, ибо кровоточат страницы нашей истории, истории погромов и массовых убийств. Но здесь конец, здесь край. Может, истории с перспективы веков неважно, будут в Европе евреи или нет? Но цивилизация десятков столетий сама себе вынесла приговор, все идеалы, красивые фразы, во имя которых боролось и погибало человечество, исчезают и становятся ничтожными перед нашими невероятными страданиями.

Мы не знаем, что такое справедливость. Не знаем, что такое правда, не знаем, что такое жалость. Проклятый враг вырвал из нашей груди все чувства.

Обезумевшие от боли, мы смотрели, как забирали наши семьи. Они тянули к нам руки, умоляли и проклинали, просили смерти вместе с нами, чтобы разом погибнуть, чтобы наш дом стал общим нашим могильником. Нас разделили. Нам пообещали еще несколько дней предсмертных мук ценой рабского, проклятого труда.

Спрятавшись где-то в углу, я пишу на работе, в единственном месте, где нам якобы еще можно оставаться, где палачи перед тем, как окончательно нас прикончить, хотят выжать из нас и тот остаток сил, какой еще есть, из нас — людей, что уже умерли.

(...) Не знаю, выживу ли. Вероятнее всего, это уже загробный голос. Погром продолжается.

Из «Хроники» Эмануэля Рингельблюма:

15 октября 1942

Почему? Почему не сопротивлялись, когда была начата депортация 30 тысяч евреев из Варшавы? Почему позволили вести себя, как овец на бойню? Почему врагу это прошло так легко, так гладко? Почему палачи не понесли, кажется, ни одной жертвы?

(...)

5 декабря 1942

Почему оставлены 10% евреев в Варшаве? Не один человек пытался найти ответ на этот вопрос, ибо от него зависит ответ на другой: как долго нас оставят в гетто, как долго нас оставят в живых и оставят ли нас вообще в живых; когда нас прикончат?

(...) Все, с кем я разговаривал, в один голос говорят: «Надо было не допустить выселения. Надо было выйти на улицу, все поджечь, взорвать стены и прорваться на ту сторону. Немцы отомстили бы. Но это обошлось бы нам в десятки тысяч жертв, а не в 300 тысяч. А теперь нам стыдно перед собою самими и перед всем миром: наше подчинение ничему не помогло. Теперь это уже не может повториться, теперь мы должны сопротивляться, все без исключения должны противостоять врагу».

(...)

Полиция. Еврейская полиция пользовалась очень плохой репутацией еще до выселения. В противоположность польской полиции, которая не принимала участия в облавах по набору в трудовые лагеря, еврейская полиция занималась этой гнусной работой. Она отличалась также страшной коррупцией и аморальностью. Верха подлости, однако, она достигла только во время выселения. Не раздалось ни одного слова протеста против отвратительной функции, состоящей в том, чтобы выводить своих братьев на резню. (...) Ныне мозг силится решить загадку: как это случилось, что евреи — в основном интеллигенты, адвокаты (большинство офицеров были до войны адвокатами) — сами прикладывали руку к уничтожению своих братьев. Как дошло до того, что евреи тащили на возах детей и женщин, стариков и больных, зная, что все идут на гибель.

(...)

14 декабря 1942

Оставят нас или нет? Сейчас мы переживаем страшный период. Мы, последние остатки варшавских евреев, не знаем, что принесет нам завтрашний день. Живем, поглощенные неотвязной мыслью: что с нами станет? оставил ли нас враг или приговорил к уничтожению, так же, как евреев в сотнях городов и местечек Польши и других стран?

Эмануэль Рингельблюм:

В нашей деятельности наступил перерыв на несколько месяцев. В это время в любой момент грозила опасность быть схваченным [и вывезенным] в Треблинку, так что не могло быть и речи о систематическом собирании материалов. Только некоторые наши товарищи даже во время выселения вели дневники и записывали свой повседневный опыт. Когда немного успокоилось, мы снова приступили к работе. Однако нельзя было и думать о монографиях городов, которые... [текст обрывается].

Из вступительной статьи Густавы Ярецкой [?]

к тексту «Последний этап переселения — смерть» (Варшава, 15 ноября 1942):

(...) Собрать вещественный материал в настоящий момент нетрудно, но несмотря на все усилия невозможно придать ему объективный характер! Трудно составлять его без стога. Легче было отупевшим переживать минувший кошмар, чем сегодня вспоминать его. Кроме того переселение продолжается, в любой момент может пуститься вскачь, его процесс не завершен. Поэтому эти заметки возникают из инстинктивного желания оставить о себе след, из отчаяния, которое временами хочет кричать, и из желания оправдать свою жизнь, все еще продолжающуюся в смертельной неизвестности. У нас на шеях петли, и, когда на мгновение они сжаты не так сильно, исходит крик.

(...)

Мы записываем доказательства вины, которые нам самим уже не пригодятся. След как камень, брошенный под колеса истории, чтобы затормозить ее. Этот камень обладает весом нашего познания, которое достигло дна человеческой жестокости. В нем есть память о матерях, обезумевших от горя после потери детей; память о плаче малышей, которых без

пальтишек, в летних одежках и босиком схватили и послали на дорогу смерти, и они шли, плача невинными слезами, совсем не охватывая умом ужаса того, что с ними творилось; память об отчаянии старых матерей и отцов, которых взрослые дети оставили на произвол судьбы; и это каменное молчание, которое легло на умерший город после исполнения приговора тремстам тысячам людей.

Открытка, брошенная на станции в Плонске

из эшелона в Освенцим, 16 декабря 1942:

Утро. Мы в вагоне со всей семьей. Выезжаем с последней очередью. Плонск уже очищен. (...)

Эмануэль Рингельблюм:

Сотрудники «Онег шабата» составляли и по сей день составляют монолитную корпорацию, одушевляемую одним и тем же духом, проникнутую одной и той же идеей. «Онег шабат» — это не объединение ученых, взаимно соперничающих и борющихся друг с другом, но монолитная корпорация, братский союз, где все друг другу помогают и стремятся к одной и той же цели. (...) Каждый сотрудник «Онег шабата» знал, что его тяжелый труд и мука, его упорная работа и страдания, его риск жизнью 24 часа в сутки в ходе опасной работы при перенесении материалов с места на место — что все это служит великой идее, что общество сумеет в день свободы надлежащим образом оценить и вознаградить это высшими знаками отличия, какие будут в свободной Европе. «Онег шабат» был братской общиной, орденом братьев, которые на своем знамени написали готовность принести высшую жертву и сохранить верность на службе обществу.

Текст о «Онег шабате» Рингельблюм писал в январе 1943 года. Вскоре вместе с женой и сыном он сумел перебраться на «арийскую» сторону, но накануне восстания вернулся в гетто. Задержанный немцами, он был вывезен в лагерь в Травники, откуда его удалось вытащить с помощью подпольных еврейских и польских организаций. С середины 1943 г. он скрывался в убежище, организованном польской семьей Марчаков на территории их владения в Варшаве. Все время оставался профессионально активным, в убежище успел, например, написать работу о польско-еврейских отношениях. В марте 1944 г. в результате доноса поляка (приговоренного затем польским подпольным судом к смертной казни) в убежище, где скрывалось свыше 34 евреев, ворвалось гестапо. Все, включая поляков, которые им помогали,

были расстреляны в руинах гетто. Так погиб Эмануэль Рингельблюм. Архив, закопанный в землю, пережил его.

Составила Катажина Мадонь-Мицнер

Более обширная подборка текстов из архива Рингельблюма опубликована в ежеквартальном журнале «Карта» №39. Материал составлен при сотрудничестве Еврейского исторического института в Варшаве.

ИНОСТРАНКА В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ

«Все творчество заключается в том, чтобы понять, что я имею в виду»; «собственно, я пишу для себя»; «писать — это моя жизненная функция, так же, как дышать, спать, говорить»; «в моем творчестве меня по-настоящему интересуют только люди». Эти цитаты из интервью, которые Мария Кунцевич охотно давала после выхода в свет скандального «Завета с ребенком», недвусмысленно указывают на центральную проблему ее творчества — борьбу с собственными семейными демонами, которую читатель может наблюдать, хотя его присутствие вовсе не обязательно. Ибо тема, которую непрестанно разрабатывала одна из самых выдающихся польских писательниц XX века, — это семья, семейные отношения, материнство, любовь.

Бросим взгляд на ее биографию: дочь скрипачки и директора средних школ родом из мелкой шляхты; дипломированная гувернантка, изучавшая французскую литературу в Нанси и польскую филологию в Варшаве, дебютировавшая в студенческом журнале «Pro arte et studio» — инкубаторе лучших польских поэтов и прозаиков межвоенного периода; переводчица министерства иностранных дел на Парижской мирной конференции 1919 г., студентка консерваторий в Париже и Варшаве, которая в конце концов бросила карьеру певицы ради литературы, — на ее примере можно проследить судьбу польской интеллигенции первых десятилетий XX века. Эта интеллигенция еще помнила о своих шляхетских корнях, которые она рассматривала как долг перед обществом, но уже сознавала, что ее удел — отчуждение от природы и земли, уход в культуру и необходимость жить умственным трудом — новым и единственным источником доходов. Если наложить на это образ женщины, которая воспользовалась недавно обретенным правом на высшее образование, но в качестве основной выбрала профессию гувернантки, затем певицы и только после тридцати лет — писательницы (раньше эта профессия была исключительно мужской), то мы получим полное представление о Марии Кунцевич.

Ничего удивительного, что рассказы и повести, написанные в межвоенный период (прежде всего «Завет с ребенком», «Лицо

мужчины» и «Иностранка»), представляют собой описание интимных переживаний образованной женщины, привязанной к мысли о собственной самостоятельности, но сталкивающейся с проблемами женской и мужской плоти, эротической страсти, брака, травмы родов и материнства. «Завет с ребенком» особенно сильно затронул больной вопрос польской культуры на пороге независимости. С одной стороны, этот рассказ стал ответом на брошенный С.Жеромским еще до 1915 г. призыв писать не о проблемах поляка, но о проблемах человека: о страсти, безумии, жажде власти, патологиях, — что должно было обратить внимание европейского читателя на польскую литературу, прежде занимавшуюся исключительно общественно-национальной тематикой; с другой стороны, он подтверждал, с каким трудом воспринимается это новое творчество, освобожденное от службы национальной идее. Публикация рассказа на страницах респектабельного женского журнала «Блющ» («Плющ») закончилась расколом в редакции из-за волны писем от возмущенных читательниц, которые сочли роды и опыт материнства темами неприличными и постыдными, граничащими с порнографией. Возмущение вызвали натуралистические и экспрессионистские метафоры, использованные при описании того, что раньше функционировало в польской литературе как «священный долг», выполняемый чистой «женщиной-ангелом», чуть ли не лишенной плоти.

Самым крупным успехом Кунцевич стала повесть «Иностранка», признанная ее лучшей книгой (что отражает число переводов на иностранные языки), хотя сама она больше ценила повесть «Лесник», основанную на биографии ее отца — так же, как «Иностранка» была свободным переложением биографии матери. Мать, женщина с тяжелым характером, несостоявшаяся в искусстве (из-за ошибок, допущенных в процессе ее музыкального образования, в результате чего она не смогла проявить свой талант) и в личной жизни, оказала огромное влияние на жизнь Кунцевич. В интервью писательница неоднократно признавалась, что она не в состоянии определить, в какой степени развитие ее писательского таланта вытекало из желания осуществить миф матери, а в какой — из глубокого восприятия евангельской притчи о зарытых талантах. Мать, материнство, семейные узы — все эти естественные и в то же время болезненно запутанные явления постоянно присутствуют в прозе Кунцевич в различных конфигурациях: соперничество и солидарность между матерью и дочерью, границы познания близкого человека — например, мужа или сына, восприятие собственного ребенка как кого-то чужого. В конденсированный

форме эти темы вернулись в послевоенный период — в частности, в «Тристане-1946».

Благодаря своему юмору, тонкой иронии и деликатности в описании чувств особое место в творчестве Кунцевич занимает сборник рассказов «Две луны», написанный под впечатлением первого посещения писательницей Казимежа-на-Висле, где она решила построить дом, вновь отданный ей после возвращения из эмиграции в 1962 году. Рассказы построены по принципу контраста двух слоев общества: художников и писателей, приезжающих в городок на летний отдых, и бедных местных жителей. Эти две среды так отличаются друг от друга, что, кажется, невозможно, чтобы им светила одна и та же луна, чтобы они жили под одним небом.

В число главных произведений Кунцевич, опубликованных в межвоенный период, входят «Завет с ребенком» (1927), «Лицо мужчины» (1928), «Две луны» (1933), «Иностранка» (1935), радионовеллы «Будни семьи Ковальских» (1938) и «Ковальские нашлись» (1938), а также серия репортажей из Палестины «Город Ирода. Палестинские записки» (1939). Проблемам войны и жизни поляков на чужбине посвящены дневник событий 1939 г. «Ключи» (1943), повести «Заговор отсутствующих» (1946) и «Оливковая роща» (1961), представляющие действительность с точки зрения ребенка, а также новая интерпретация мифа о Тристане и Изольде под названием «Тристан-1946» (1967). Однако больше всего сама писательница ценила повесть «Лесник» (1952), где она обличала литературную традицию, описывавшую влияние истории на формирование характера и патриотических чувств, и подвергала сомнению очевидность таких понятий, как польское самосознание, народ, родина. Автобиографичность, которой насыщены все ее произведения, еще более усилилась в триптихе эссе «Фантомы» (1971), «Природа» (1975) и «Диапозитивы» (1979), в котором писательница вновь вернулась к сложной истории собственной семьи. Свою последнюю книгу «Письма к Ежи» (1988) она посвятила умершему мужу. Плодом ее литературных интересов стали антологии современной литературы «The Modern Polish Prose» (1945) и «The Modern Polish Mind» (1962), а также книга о С.Пшибышевском «Fantasia alla polacca» (1979).

МАРИЯ КУНЦЕВИЧ

Мария Кунцевич (1897-1989) родилась в Самаре. Закончила романистику в университете Нанси, изучала польскую филологию на гуманитарных факультетах Ягеллонского и Варшавского университетов. Была студенткой класса оперы в Варшавской и Парижской консерваториях. Как писательница дебютировала в 1918 г. на страницах журнала «Pro arte et studio». В 1927 г. опубликовала сборник рассказов «Завет с ребенком». В 1939-1940 гг. жила во Франции, в 1940-1955 гг. — в Великобритании. Была председателем польского ПЕН-Клуба. В 1963-1972 гг. читала лекции о польской литературе в университете Чикаго. В 1968 г. вернулась в Польшу. В 1936 г. удостоена премии им. Петрашека, в 1974 г. — государственной премии I степени. Прозаик, эссеист, переводчица англоязычной, французской и скандинавской литературы.

*

*   *

Публикации "Новой Польши":

Мария Кунцевич, Диапозитивы. Отрывки из последней книги дневников, 4/2004

О Марии Кунцевич:

Агата Жилинская, Иностранка в собственной стране, 4/2004

ДИАПОЗИТИВЫ

Я бывала свидетелем возвращений Причины. Она полька. Однажды мы вместе встречали Сочельник. Она сама почистила селедку, сварила картошку, смешала сухофрукты с орехами; мы пили зубровку, квартира была полна ее смеха: куда ни погляжу, везде я видела ослепительные зубы, блестящие глаза, слышала шелест юбки, и что-то происходило, что не было задумано, фатализм носился как облако. Мы были счастливы. Пели, каждый что-то свое, восторженно ввали, шелестя упаковкой подарков, любили врагов, любили прекрасный недобрый мир.

И вот так мы вышли из-под елки в римскую ночь и поехали на Капитолий. В церковь Ара-Цели невозможно забраться с переднего фасада, там наверное тысяча ступенек. Мы объезжали серпантинном все новый и все время тот же пейзаж с кипарисами и луной, с бездной истории, с колоннами, гарнизонами, пиниями, с петардами старого года и канонадой в честь еще одного, вечно того же рождения. Сначала не церковь — сначала Рим. Из-под сени очень высоких деревьев, из зеленой травы я смотрела на городской овраг, искрошенный временем, истоптанный людьми, усеянный черепами, травами, пищалями, унавоженный человеческим и звериным дерьмом, украшенный скульптурами, весь мигающий от цирка огней — Рим — Рома — такой дуче, другой дуче — Brigade Rosse, Lotta Continua, MSI, PCI, DC, такая, другая ненависть, такая, другая любовь, и постоянно то же самое. И никогда неизвестно, что принесет с собой следующая компания. До полуночи оставалось полчаса, мы пошли в церковь. Толкучка. Все стулья заняты, скамеек нет. Алтарь во славе, в пресвитерии священнические одежды белы как снег и золоты как солнце. Цветов наводнение — одни только розовые и белые. Сияние. Хор совсем не григорианский, мелодии скорее напоминают вальсы Штрауса. Среди сидящих дорогие шубы и иностранные слова. Тут же бабы в платках тащат детей, слишком тяжелых для наработавшихся плеч. Ковчег со святыми дарами затаен в вуалью. Первый раз я не угадывала, а видела этот интерьер, днем такой темный, теперь пламенеющий. Увидела роскошь кессонов на потолке и — чарующее видение — двух больших ангелов в глубине над главным входом. Повернувшись друг к другу профилем, они как будто излучали сияние, как будто впервые творили свое ангельство специально для этой ночи.

— «Борьба продолжается» (левацкая организация),
Итальянское социальное движение (партия — наследница
фашистов), Итальянская коммунистическая партия,
Христианско-демократическая партия.

В двенадцать зазвонил колокол, отозвались издалека башенные часы, бухнули залпы — завеса на дарохранительнице упала. Духовенство в иератических одеяниях пустилось в иератический танец, какая-то дверь распахнулась, музыка умолкла, и в обнаженной нише над ковчегом явился Bambino Gesu. Небольшая деревянная фигурка, что-то вроде наших резаных из дерева святых, с круглым крестьянским лицом, преждевременно сознательный ребенок. Одет скромно, держится прямо, уже на собственных ногах, с большой византийской короной на голове, усаженной драгоценными камнями. Яслей не было. Рождения не было. Мы получили Младенца, готового к своей миссии примирить жизнь со смертью. Ангелы затрепетали крылами, духовенство замерло, слова утихли, смерть нависла над головами, как тяжелый многокрылый филин. Мы не дожидались, пока он улетит. С нами был молодой шотландец, в первый раз наблюдавший католичество, он бледнел и краснел, шептал: «Что за театр! Какой великолепный, нелепый театр!»

Мы вышли и поехали дальше, огибая развалины античных театров. Венгр вел машину, рядом с ним сидел, задумавшись, Ежи, сзади — Причина, шотландец и я. Чувствовал ли шотландец тяжесть ее головы у себя на плече? Пожалуй, нет: казалось, что он все еще спорит с Новорожденным о смысле распятия. Чувствовала ли она тепло шотландского плеча? Пожалуй, нет. Полулежа, она напевала «Бог рождается, мощь крушится», как будто это песенка про Касю и Яся. Про любовь от мира сего. Человеческую, но божественную, католическую, но языческую. Напевала, потом гримасничала, как ребенок, теснила ее эта ночь — ничья, вся посвященная чудесам. Огорчалась. Что-то шептала, всхлипывала. Наверное просила у кого-то прощения, наверное знала, что мы на роковом облаке, что облако на рассвете развеется и она упадет головой на камни, а мы будем стоять рядом.

На улице

Плыву напрямки посреди машин. С одной стороны стена уступает место ограде, за которой расстилаются сады и возносятся здания Американской академии. (...) В квадратном окне скачут марионетки, за которых кричит и плачет невидимый режиссер. Нечто, что ничему не служит. Удары не болят, злость не обижает, любовь не радует. Слабый

оказывается сильным, силач поддается закулисной мощи, публика не делает выводов, мораль тает, как шоколад. Остается нервная судорога. Туристические автобусы стоят возле подзорных труб, направленных на город внизу и на горы, залатанные снегом. Я смотрю на то, что видно без подзорной трубы. В Трастевере обширная постройка в форме креста, на трех этажах густо размещены маленькие окна. На скрещении куполок отмечает часовню. Огромная черная надпись на стене: RIFORMA. Тут реформируют преступников. Преобладающий цвет всего в целом, как клоака, коричневый.

Я совершенно одна. Последний на сей день свидетель, свидетельствующий самому себе. Вижу, как выглядит свет, не созданный для человеческого глаза, и молчу. Люди, конечно, есть, но этого нечеловеческого света они не видят.

Иския

Весной Рим сделался жарким. На Искию! За нежным ветром с нежного моря, за молчанием соснового леса, за сонным шествием виноградников террасами в гору к вулканической вершине. За тишиной и травяным запахом сарацинских церквей. Все это еще можно переживать. Нельзя об этом писать, как не пишешь о «первой и единственной любви». Все, что было первым и единственным, состоялось бесчисленное количество раз, было – пропало, задохнулось под Гималаями повторений. Мне стыдно смотреть на море, стыдно нюхать цветы и вспоминать любовь. Я отвожу взгляд от лишенной невинности луны, прячусь от солнца, превращенного в кварцевую лампу. Однако постепенно стыд отпадает... Не хочу поддаваться внушению, что все уже было и не о чем говорить. Деликатная проблема, хотя ее неделикатное имя — смерть. Правда, теперь хирург открыто говорит пациенту: «У вас неоперабельный рак», — но это не значит, что я должна закрыть глаза на Искию.

Ничего не случится

Владелец нескольких римских залов, где помещаются кинотеатры, говорит журналистам: «В первый же вечер после того, как похитили мою восемнадцатилетнюю дочь, кто-то нам позвонил: «Джованна с нами. Готовьте деньги. Позвоним еще». Звонки, которые последовали за этим, — продолжает измученный отец, — это безвкусная забава шакалов. Я не позволю обмануть себя. Прежде чем вступить в серьезные переговоры, я должен получить доказательство, что моя дочь действительно находится в руках тех лиц, с которыми я буду иметь дело».

Очерчивается новое деление: шакалы и лица. Клоуны в дурном вкусе и преступники всерьез.

На фотографии жены киновладельца, матери похищенной Джованны, — лицо женщины, склоненное в каменной печали, как лик Матери, пестующей мертвое Тело Сына.

Актер Альберто Сорди, римлянин по рождению и по ролям, которые он играет, на вопрос: «Почему Рим болен?» — отвечает: «Потому что принимает слишком много людей». — «Что ж тогда случится?» — «Ничего не случится». — «Но это повседневное насилие?» — «Римлянин ко всему привыкает». — «Вы чувствуете себя римлянином?» — «Типичным. Я работаю по призванию. Как монах, как священник. Мой двигатель — любовь». — «А если бы вы не были актером?» — «Лежал бы целый день в постели». Значит, Сорди — не шакал. Сорди — серьезное лицо, но только тогда, когда делает то, что любит.

Инстинкт жизни

20 марта вечером вместе с коммунике №3 «Красных бригад», сообщающим, что допросы идут при полном соучастии пленника, темными путями конспираторов, где роль почтового ящика часто играет помойка или ларек, пришло письмо Альдо Моро министру внутренних дел Франческо Коссиге. Похитители предали письмо огласке во имя «долга информировать народ». Последнее предложение письма звучит так: «Да просветит вас Бог, чтобы вы как можно лучше избежали впутывания в болезненный эпизод, от чего могло бы зависеть многое. Самые сердечные приветы...» Если просвещение должно было охватить и меня, раз я купила соответствующий номер газеты, то должна признаться, что я так и осталась непросвещенной. Двусмысленность формулировок, прыжки мысли вперед, назад, тонкие намеки составляли таинственный текст, но под мутным течением оруэлловского double think я видела одно и то же: этот человек не хочет умереть. Этот христианско-демократический политик, этот ревностный католик не хочет умереть за честь государства. И не его скрытые мысли и самые жаркие чувства не соглашаются со смертью — его сердце, легкие, желудок, мозг и память хотят жить любой ценой. Несмотря на классическую традицию героя на щите, несмотря на святомучеников, которым ни огонь, ни содранная кожа, ни голод, ни разъяренный лев, ни одиночество в пустыне не мешали умирать молясь... Умирали ли они в экстазе, как это показано на картинах мастеров религиозной живописи? Мы не слышали их крика, не дотрагивались до их ран. Мы верили в

сверхъестественную силу человека. Верим ли еще? На это можно было бы ответить, если бы полное духов межпланетное пространство не было все еще слишком туманным для человеческого богословия.

Дул резкий сирокко, и полусельские боковые улицы Джаниколо были устланы пальмовыми листьями со скверов и из садов, как будто Сам Иисус должен был здесь проехать на своем осляти — посланец к людям обочинным, людям без значения. Я отрывала взгляд от газетных полос. Где важный человек, центральная фигура дел всей страны, писал важным людям о таком чужом мне деле, как государственные соображения, и о явлении, название которого — государство — покрывает для меня содержание малоуловимое.

* * *

Жизнь итальянского государственного мужа на вид зависела прежде всего от органов государства — полиции, армии, разведки. «Сердечные приветы» пленника министру внутренних дел, то есть в том числе начальнику над полицией, выражали побуждение к действию, почти уверенность, что пещера, где разбойники спрятали жертву (предположительно какая-то обычная квартира в центре города), будет вскоре выслежена и похищенному засветит свобода. Между тем «сердечность» результатов не приносила, дни проходили, и как последняя надежда на спасение оставался обмен, то есть живой Альдо Моро за освобождение неопределенного числа краснобригадников. «...я в таком положении, что обладаю полным сознанием и восприятием» — слова из письма.

* * *

Альдо Моро был не стар и не иссушен «долгим опытом». В письмах жене, распространявшихся «Бригадами» («*Mia carissima Noretta*»), он находил для нее, дочери и горячо любимого внука нежные слова, свидетельствующие, что в его жизни не было недостатка в жестах любви. Он был счастливым мужем и отцом и довольно молодым дедом. Как его родная Пулия, так и Рим научили его солнечным, пахучим пейзажам.

* * *

Между тем атмосфера заключения сгущалась. Охранники, подбрасывавшие прессе коммюнике «Бригад» и апострофы узника, рисковали жизнью понапрасну. Так называемыми глазами души я видела, как скудная еда становилась все скуднее. Ее уже не подавали, а швыряли на стол, заваленный

черновиками и проектами призывов о спасении. Весна разгоралась снаружи — лихорадочный ночной сон, дневной мираж, — в камере было холодно, все холодней по мере того, как кровообращение замедлялось, а смерть приближалась все быстрее. Невольник, жаждущий дружеского голоса, слышал слова, с каждым днем все более оскорбительные, а в глазах палачей читал обещание окончательной расправы и презрение: вот как тебя трактуют товарищи «счастливых дней» (слова в одном из писем), как тебя ценит республика, как без тебя обходится пресловутое государство, как тебя любит Папа.

* * *

Человеческая комедия достигла кульминации, когда один из адресатов, зачисленный «военнопленным» в друзья, публично опроверг приписанное ему в письме мнение о допустимости обмена политзаключенных, после чего в кулуарах парламента воскликнул: «Моро нет в живых!»

Тем временем в более поздних письмах мелькала надежда на помощь компартии с учетом благодарности за инициативу «исторического компромисса». По тону было видно, как мозг уступал место сердцу, умножались сентиментальные акценты: тоска по семье, горечь, наконец — гнев на друзей и обещание, что история отомстит за ущерб, нанесенный историческому лицу. Следя в печати всё новые фазы монолога в пустоте — я цепенела, потому что меня охватывало чувство бессилия человека перед судьбой другого человека. И еще хуже — бессилия человека перед толпой людей. И еще хуже — бессилия сна перед явью. И доктрины перед стихией.

После многих лет чтения аскетической прессы ПНР, где жизнь препарирована по абстрактному образцу, я вдруг оказалась осуждена на поле зрения репортеров, привыкших к подлинности, созерцаю мир, перенаселенный преступлением, распятый, разодранный, погруженный в страх и злобу, полный ловушек и мошенничества. И на этом фоне одинокая фигура политика для обмена на неопределенное число политиков. На первый взгляд ситуация казалась совершенно ясной. Только мгновение спустя нахлынули сомнения: 1. Что выгоднее гражданину сегодняшнего мира: истинный образ или химерический? 2. Как далеко должен заходить иммунитет политических лидеров? 3. Может ли христианский политик ожидать, что общество будет руководствоваться Евангелием в своих конфликтах с Публичным Делом ?

Глубокий мрак

Моро уже знал, что ничего не будет сделано, чтобы спасти его, но в последнем рефлексе самозащиты партийный чиновник отвернулся от Властей и обратился к Базе.

Продолжая свой призрачный диалог с неуловимым мнением неуловимых судей, он приказал: «Прошу, чтобы в моих похоронах не принимали участие государственные власти и не участвовали представители партии. Требую, чтобы за гробом шли только те немногие, кто был ко мне добр и кто достоин сопуствовать мне молитвой и любовью».

Секунда тишины

Мы шли, озабоченные антрактом в деле Альдо Моро. Найдется ли наконец исход милосердию? Сокрушатся ли сердца врагов? Сердца друзей? Так размышляя, я не сразу заметила, что кто-то, идя мне навстречу, обращается ко мне по-польски, бледный и трясущийся, и голос этот я знала. «Не ходите туда, — говорит он, — да вас и не пустят, виа Каэтани огорожена: там лежит тело. Его вышвырнули из багажника... Красный «Рено». Вышвырнули и сбежали. Полицейская машина приехала только в 13.20. Верно, его застрелили из пистолета с глушителем в гараже. Сейчас ждут родных...»

Мы повернули. Друг-поляк громко и быстро говорит, руки у него трясутся. Я молчу. Минует эпоха, захлопнулась дверь.

* * *

Феллини говорит, что юношеская ненасытность на плоть, хоть и прикрытая католичеством и светским лицемерием, остается такой же и в старости. Феллини рассказывает, как пожилые мужчины с ограниченной потенцией живут в раздражении, которое изливают на жен. А жены, страшно алкавшие родов, исчерпываются раньше. Устав нянчить детей и мужчин, они умирают первыми. Тихо умирают, благодарные за последний цветок, последний поцелуй сына. Мужья оплачивают им венки на катафалк, большие, как мельничные жернова. Среди стада потомков всегда найдется кто-нибудь, кто всплакнет в усы или даже упадет в обморок в разгар погребения. Зато другой, известный ловкач, тем яростней кинется на живую женщину, чтобы успеть, чтобы поскорее уж стать покорителем. Тем временем из дома, погруженного в траур, сбежит мальчонка, наконец-то избавленный от материнских тычков, упоенный свободой. Сбежит и в утреннем тумане станет перед внезапно явленной мордой вола — и в его больших круглых глазах увидит все тот же, свой собственный страх перед жизнью.

Ноябрь — опасная пора

«Настоящее» я в зеркале не отражается, оно — «сердце тьмы» всякого человеческого тела. Этим-то своим «сердцем тьмы» я не интересуюсь. Может, боюсь его, а может, не умею увидеть. Не умею и извлечь практические выводы из своего отражения во мнениях, не желаю ни в какую сторону менять образ. Ибо зеркало не говорит, кто я, — оно говорит, как я выгляжу.

В настоящий момент мне восемьдесят с лишним лет, и каждое утро я спешу увидеть, как я сегодня выгляжу. Насмотрелась в Мадриде «Капричос» Гойи, да и вообще все музеи полным-полны образов женской старости. Ведьмы, колдуны перелетают на метлах с шабаша на шабаш, щерят в похабной ухмылке один и тот же длинный шаткий клык, чешутся и ржут от страха. Каждое утро я готова увидеть эту метлу, этот клык, этот страх....

Мне восемьдесят с лишним лет. Мой партнер на протяжении последних 60 лет сказал мне вчера: «Люблю глядеть на тебя», — так его это трогает, что он и не видит, как я скачу на метле.

Еще клетки

Иду мимо бара, время — после работы. Казимеж опять далеко, и далеко отсюда до Foro Italico, где в большом зале идет процесс «Красных бригад». Под одной стеной поставили клетки для подсудимых. Наверное уже закончил давать свои показания виновник шестнадцати убийств Антонио Саваста, «раскаявшийся» активист организации, поставившей целью обновить мир путем внезапной и неожиданной смерти. Саваста — тот, кто похитил в Вероне американского генерала Дозера и не сумел его убить. В свое время он голосовал за казнь Альдо Моро. Теперь он утверждает, что перешел на сторону полиции, ибо «Бригады» не привлекли масс к борьбе с государством. Гуманных соображений он не признаёт, как не признаёт их и государство.

Действительно, четыре года тому назад итальянское государство во имя своего величия отказалось обменять Альдо Моро на полтора десятка террористов. Помню слова из его последнего письма: «Прошу, чтобы в моих похоронах не принимали участия государственные власти». Орган Христианско-демократической партии опубликовал это письмо с комментарием: «Нынешняя неприязнь нашего председателя к государству... находит объяснение в глубоком мраке...» Но разве не любая неприязнь произрастает из мрака?

Я сворачиваю на рынок, где четыре года тому назад покупала
копчености и мед, стараясь не думать о мраке, в котором Альдо
Моро на дне унижения писал свои письма Величию
Государства.

Сады снова цветут, цветут женские платья и детские щеки. Я
стараюсь не думать о тьме в разных птичьих и человеческих
клетках. Ни о ночи в моем собственном черепе.

Перевод Натальи Горбаневской

О ВОСПРИЯТИИ БРУНО ШУЛЬЦА ВОСТОЧНЕЕ ПЕРЕМЫШЛЯ

Как бывший львовянин, а теперь москвич, немного переводивший Шульца (первый русский перевод, опубликованный в августе 1989-го в рижском «Роднике») и кое-что о нем написавший, я могу поделиться своим пониманием того, как воспринимаются фигура и творчество Бруно Шульца на Украине и как — в России. Говоря коротко, на Западной Украине либеральными кругами — апологетически, а националистическими — резко отрицательно, в России же культурным мейнстримом — весьма дистанцированно, а частью культурного маргиналитета — с энтузиазмом. (Чтобы изложить свои соображения, не отнимая много времени, я вынужден идти на некоторое упрощение и огрубление — надеюсь, это будет воспринято с пониманием.)

Для значительной части культурного слоя Западной Украины Шульц не столько польский писатель и иудей, сколько галичанин — культурный герой Галиции и ее полпред в мировом контексте. И в этом есть свой резон: порой территория, география, общность исторических судеб значат не меньше, чем общности культурная, языковая и этническая. Националистические круги Западной Украины, напротив, стремятся к изоляционизму — им не нужен мост в большой мир, который посмеется над их компенсаторной мегаломанией. (Это не анекдот — негативная реакция львовских народных депутатов на предложение молодых либералов в середине 90-х установить памятник уроженцу Львова писателю Захер-Мазоху мотивировалась так: «Они хотят, чтобы мы, украинцы, не только мучались, но еще и кайф от этого ловили».)

Если позволить себе электротехническую аллегорию: Шульц для украинской культуры — своеобразный разъем или переходник, подключающий ее к польской культуре и проблематике западноевропейского модернизма в его центральноевропейской версии (более депрессивной, фаталистичной, даже суицидальной — поскольку сравнительно небольшим центральноевропейским народам и странам суждено было играть в европейской политической истории Нового времени преимущественно роль «пешек», как

это ни прискорбно). На востоке таким разъемом, подключающим украинскую культуру к русской, является фигура Гоголя. И что характерно, это самые фантазматические писатели, порожденные территориями, входящими в состав сегодняшней Украины. Можно отнести к ним как к западному и восточному полюсам в культуре, а можно и как к явлениям маргинальным. Потому что уже для Киева (не говоря о юге и востоке Украины) Шульц не значит столь много, как для галичан.

И совсем уж прохладное, заторможенное, чтобы не сказать отчужденное отношение к нему в широких культурных слоях Москвы. При том, что именно в Москве (а это не город, а по многим признакам особая «страна в стране») весьма активно неформальное «шульцевское лобби». Если говорить о персонах, это в первую очередь Асар Эппель — в 90-е годы основной переводчик практически полного корпуса произведений Бруно Шульца на русский язык. Здесь наличествует один очень любопытный момент. Эппель — оригинальный прозаик, один из самых интересных новеллистов современной России, коренной москвич и еврей по национальности — вырос в одной из бесчисленных т.н. слобод довоенной и послевоенной Москвы, в Останкине. Знакомство с творчеством Бруно Шульца, как мне кажется, оказало ему неоценимую услугу как прозаику. Фантазмагорический и вегетирующий стиль дрогобычского писателя оказался настолько созвучным сохранившемуся у него ощущению родной околицы, давно поглощенной многомиллионным городом, что это могло спровоцировать порождение некоего параллельного шульцевскому стиля, совершенно оригинального и идеально подходящего для литературного воссоздания замкнутого мирка — канувшего вневременного «местечка» своего детства. Ключевое слово здесь «местечко» — и я к нему еще вернусь. Отмечу только, что Эппель-прозаик занимает особое место в русской культурной и литературной традиции — сродни месту Бабея, скажем.

Другой случай заинтересованного и пристрастного отношения к фигуре и творчеству Бруно Шульца еще более любопытен, поскольку никак не мотивирован биографически. Это другой коренной москвич, известный социолог Борис Дубин — интеллектual и переводчик полного Борхеса и целого ряда значимых фигур литературы европейского модернизма. В его лице можно персонифицировать одно из ответвлений русского культурного мейнстрима — в России таких людей называют «западниками». С тем только существенным отличием от традиционно понимаемых «западников», что Дубин стремится не к растворению русского культурного мира в

западноевропейском, а к выявлению и созданию контекста для ведения продуктивного диалога при сохранении всех идейных и конституциональных различий — если он и космополит, то именно «русский космополит». Чтобы задать рамки моей мысли и перейти к ее изложению, этих двух фигур, пожалуй, достаточно. (В скобках оставим весьма некритичную в культурном отношении русскую еврейскую диаспору, столь же некритичный и эпигонски настроенный круг любителей австро-венгерского культурного космоса, более чем многочисленный слой маргиналов, для которых любая фигура — лишь повод и инструмент для передела сфер влияния, а также литературных гурманов.)

Моя простая мысль заключается в том, что весьма сдержанное отношение к Бруно Шульцу в России мотивировано конституционально. К сожалению, и культурно, и биографически Шульц оказался в роли разменной монеты в историческом противостоянии большого и малого миров, если понимать их метафизически. К сожалению также, я не профессиональный философ, чтобы дать четкую дефиницию этих миров, — я делюсь только своим видением и деполитизированным представлением. Шульц — гений малого мира, в котором вырастает почти каждый из нас (и возможно, предпочел бы в нем остаться, не будь в нем так душно), и заложник большого, который до каждого из нас рано или поздно добирается. Никому за последние сотни лет не удалось умереть в той же стране, в которой он родился (причем от суммы перемен люди мрут не меньше, чем в результате войн). Шульц стремился творчески раздвинуть свой малый мир до пределов большого («Метель» [«Wichura»], «Весна», «Санатория для усопших») и поплатился жизнью за самоуправство.

Как вывести из клинча большой и малый, подростковый и взрослый, открытый и замкнутый, партикулярный и божий, глобальный и антиглобалистский миры — местечко и универсум, — я не знаю. Знаю только, что каждому придется отвечать за то, что натворили все (и пусть никто не говорит «меня там не было 19 ноября»). Знаю еще, что если малый и большой миры не сделают хотя бы по полшага навстречу друг другу, все будет продолжаться по-прежнему (если не закончится преждевременно).

При столкновении большого и малого миров Шульц погибнет неизбежно. Но он задохнется и выродится до размера полевой мыши, если они совсем разминутся — здесь и сейчас.

Варшава, 18–19 октября

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• 500 иерархов девяти христианских Церквей, а также политиков и мыслителей со всей Европы, собравшихся в Гнезно за несколько месяцев до расширения Евросоюза, подписали обращение к европейцам, в котором, в частности, говорится: «Единство Европы — слишком важный вопрос, чтобы полностью доверить его политикам. Европа духа должна рождаться из контактов граждан. Мы призываем всех (...) приложить свои усилия для ее созидания. Мы должны привнести в Европу глубокий образ человеческой личности, реализм нашей аскетической духовности и подлинность жизни в общине».

• В Варшаве на 89 м году жизни скончался Еремий Пшибора. «Поэт-джентльмен, один из создателей легендарного «Кабаре двух пожилых господ», образец элегантности и хороших манер», — пишет о нем Ян Бонча-Шабловский. А Вислава Шимборская считает, что его песни невозможно исполнять истерично: «Никакого экзистенциального вытья и ломания стульев. Никакой корчи ужасающих рож (что теперь модно) — как будто между пением и острым воспалением слепой кишки нет никакой разницы. Так вот, у Пшиборы эта разница была очевидной». Еремий Пшибора начинал свою профессиональную карьеру еще в довоенной Варшаве в качестве радиодиктора. После войны работал диктором на радио в Быдгоще. Уже тогда он начал писать первые скетчи и сатирические монологи. Однако настоящим триумфом стал передававшийся на волнах Польского радио и подготовленный вместе с Ежи Васовским театр «Этерек» («Эфирчик»). Абсурдное описание не менее абсурдной действительности забавляло и смешило до слез. Отсюда был уже только шаг до нового средства массовой информации: в 1958 г. оба пожилых господина переехали на телевидение, а их программа, названная «Кабаре двух пожилых господ», стала культовым явлением польской культуры тех лет. Впрочем, она жива до сих пор. «Это была не только лирико-сюрреалистическая игра в довоенные манеры, но и попытка спасти мир, уничтоженный войной, а затем коммунизмом», — оценивает Роман Павловский. «Все тут было высшего качества, — пишет Магда Умер, — поэзия, чувство юмора, отстраненное отношение к

миру и чудесная погруженность в него. Критический взгляд на действительность, но без ненависти». Ежи Васовский умер в 1984 году. Теперь нас покинул Пшибора. Пожилых господ больше нет... Но, к счастью, остались пленки и песни.

- Все началось с пальмы... а сегодня, размышляя над тем, как сделать Варшаву более привлекательной, городские власти, архитекторы и художники генерируют всё новые идеи — впрочем, лояльно сообщая, что в поисках образцов они обратились к опыту Берлина и Барселоны. Выставка предложений, как сделать город более дружелюбным людям, под названием «Пальма. Что дальше?» была открыта на ограде старой варшавской теплоэлектростанции в районе Повисле. В рамках заботы о «дружелюбном лице города» было предложено множество забавных и неожиданных решений — например, превратить выходы из метро в своего рода художественные композиции. «Как показывает пример пальмы, — пишет «Газета wyborcza», — варшавяне хотят, чтобы в их городе были не только ровные улицы, разветвленное метро и новые мосты, но и немного безумия, современных скульптур, скамеек и игровых площадок».

- Премия Фонда культуры — одной из самых серьезных неправительственных организаций, поддерживающих польскую культуру, — присуждена Норману Дэвису. «По документам британец, по происхождению валлиец, снискавший международную славу благодаря книге по истории Польши «Божья игра»», — написал о нем автор газетного репортажа. В своих работах замечательный историк посвятил много места Польше, а его последняя, опубликованная в Англии книга «Rising' 44» повествует о Варшавском восстании и имеет все шансы стать настоящим бестселлером. Норман Дэвис — первый иностранец, получивший премию Фонда культуры.

- В Варшаве создан Польский союз заграничных писателей, объединяющий полтора десятка человек из Великобритании, Франции, Вьетнама, Японии. Все члены союза пишут на разных языках и приглашают на проходящие два раза в месяц встречи, на которых они представляют свое творчество. «Мы хотим показать, что эмигранты способны не только брать, — говорит приехавший из Камеруна журналист Симон Мол. — Мы можем также очень много давать и вносить много нового в жизнь поляков».

- Тем временем, если верить сообщениям прессы, восходящая звезда польской литературы Дорота Масловская пользуется огромным успехом в Париже. Ее «Польско-русская война под

бело-красным флагом» признана там крупным литературным событием. «Книга заполняет серьезный пробел — на французском рынке все еще мало книг, описывающих центральноевропейскую общественную действительность после 1989 года, — написала французская рецензентка. — Автор сумел вдумчиво описать психозы поколения, которое не может позволить себе удовольствий, обещанных капитализмом».

- Прошедшая в Ягеллонском университете международная конференция «Гомбрович — наш современник» стала одним из первых мероприятий Года Гомбровича, торжественно отмечаемого в связи со столетием со дня рождения писателя (автора «Фердидурки» и «Дневников»). Гомбрович будет также покровителем XXX Международной книжной ярмарки в Буэнос-Айресе, а затем мероприятий в Тулузе и Женеве. Кроме того, организационный комитет Года Гомбровича объявил конкурс на лучшее эссе о писателе на тему «Польское самосознание: ценность или обуза?».

- В новом списке бестселлеров в категории документальной литературы первое место занимает книга Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?». Необыкновенно популярный тележурналист, некогда корреспондент польского ТВ в Вашингтоне, увлекательно излагает свои мысли о Польше, со знанием дела описывая разочарования современных поляков. Его книга прекрасно передает состояние умов тех людей, которых беспокоит судьба страны. На втором месте — исполненные обаяния воспоминания Беаты Тышкевич, популярнейшей и в свое время самой красивой польской киноактрисы. В категории художественной литературы всех лидировавших до сих пор женщин наконец-то опередил мужчина — Ежи Пильх со своим «Городом терзаний». Однако как Иоанна Хмелевская, так и Катажина Грохоля остались в первой пятерке.

- Снятый по мотивам первого романа Грохоли фильм «Никогда в жизни» критика назвала шаблонным, напоминающим скорее рекламу зубной пасты, чем задиристое современное произведение искусства, каким была книга. Несмотря на это ожидается, что фильм принесет прибыль — такова сила масс-медиа, а Катажина Грохоля — явно медийная личность.

- Тадеуш Соболевский о «Саде земных наслаждений», последнем фильме живущего в Венеции польского режиссера Леха Маевского: «Как получается, что фильм, составленный из готовых, иногда несколько подозрительных элементов, трогает своим личным тоном? Мелодраматическая схема «Сада земных наслаждений» таит в себе неподдельную тревогу художника (...)

Больше всего в фильме трогает не банальное сознание смерти, но усилие, направленное на то, чтобы спасти, запечатлеть жизнь, проявляющуюся в искусстве, науке, эзотерической философии, во всех действиях, которые на ощупь совершают герои «Сада» (...) Не напрасно творил Босх, не напрасно в доках Венеции был создан такой шедевр, как гондола, не напрасно был построен город на воде».

- На церемонии вручения «Польских Орлов» — ежегодной премии, присуждаемой самими кинематографистами за достижения в области кино, — бесспорным победителем стал Анджей Якимовский со своим фильмом «Зажмурь глаза». Его главным конкурентом был Ян Якуб Кольский с фильмом «Порнография». Однако овацией стоя публики встретила другого героя вечера — Казимежа Куца, который получил премию за вклад в кинематографию. Куц, дебютировавший как один из режиссеров польской школы 50-х («Крест за доблесть»), в дальнейшем снял цикл красивейших фильмов о Силезии («Жемчужина в короне», «Бусинки одних чепцов»), а в последнее время все чаще ставил спектакли на театральных подмостках и в Театре телевидения. Сейчас он, помимо прочего, отстаивает интересы Силезии в польском Сенате.

- Лауреатом II Фестиваля польского независимого кино, организованного 2-й программой ТВП, стал фильм Владислава Сикоры «Сказка о людях Отсюда» — полная всевозможных забавных ситуаций, а также цитат из фильмов и кабаре сатира на хищный польский капитализм. Критик газеты «Жечпосполита» пишет о фестивале, больше недели собиравшем у телеэкранов свыше миллиона зрителей: «Независимые кинематографисты предлагают жанровое, формальное и тематическое разнообразие, свежий взгляд на реальность (...) Их объединяет то, что они хотят говорить о вещах важных. Поэтому в их фильмах так часто затрагивается общественная тематика (...) В поисках новых тем и мест независимые художники открываются к иной Польше».

- В Гданьске создан Быстрый городской театр — первый документальный театр в Польше. Вдохновение пришло из Москвы — осенью Гданьск посетил «Театр.док», который привез несколько спектаклей, поставленных по методу *verbatim*, т.е. основанных на реальных событиях и документах. *Verbatim* появился в Великобритании в 90-е годы. Его цель — максимальное приближение к реальности, показываемой без театрального грима на базе подлинных текстов, чаще всего журналистских. Первые гданьские спектакли — это «Ложись» (разговоры жен военнослужащих, посланных в Ирак), «Наши»

(портрет польского неонациста) и «Женщины из-за восточной границы» (портреты проституток из бывшего СССР, работающих в Польше).

- «Вандалы — стражи Янтарного пути» — так называется выставка, открывшаяся в Варшавском государственном археологическом музее. Вот что говорит об экспозиции ее автор, профессор Анджей Коковский: «Вандалы (...) были людьми впечатлительными, думающими и тянущимися к знаниям. Они мастерски ковали железо. Вандалы создали Янтарный путь — этаким древним Ямальским трубопроводом, — по которому доставляли ценное сырье с берегов Балтики в Римскую империю. Неизвестно почему, все помнят лишь о том, что они разрушили три города в Галлии и ограбили Рим. Ведь другие племена были ничуть не лучше». В конце античной эпохи вандалы жили на территории сегодняшней Польши. Подготовка выставки продолжалась восемь лет. За это время было собрано 2 тыс. экспонатов из 32 х польских и зарубежных музеев и научных центров.

- Министр культуры Вальдемар Домбровский представил проект создания Центров современного искусства. «Я хочу, чтобы искусство, создаваемое в наши дни, собиралось систематически. В Польше есть несколько десятков собраний современного искусства, но ни одно из них не полно (...) Я планирую вновь проводить в «Захенте» ежегодные салоны такого масштаба, как прежние исторические салоны, представлявшие достижения Общества [поощрения изящных искусств]», — сказал министр. Однако эта прекрасная программа требует денег. Вальдемар Домбровский обещает дотации и рассчитывает на структурные фонды Евросоюза.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

«Энциклопедию русской души» Виктора Ерофеева польские читатели, о чем я уже писал, приняли если не с восторгом, то во всяком случае с огромным интересом. Кроме многочисленных рецензий и упоминаний в прессе заслуживает внимания большая статья историка общественной мысли Михала Богуна «Апокалипсис в одной стране», напечатанная в последнем номере гданьского ежеквартального журнала **«Пшеглёнд политичный»** (№ 64, 2004). Уже начало придает вкус к дальнейшему чтению:

«Виктор Ерофеев написал книгу, которая возмущает естественный порядок вещей: она возникла, хотя ее не должно было быть. (...) Ее несуществованию наверное радовались бы парни из пропрезидентской организации, призывающие сжигать на кострах книги Ерофеева и других недостаточно патриотических авторов во имя утешения и укрепления духа благочестивых и гордых граждан великой России».

И дальше тоже занятно:

«Уже самым заглавием книга Ерофеева являет себя как нечто невозможное. «Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией» — в нескольких словах мы получаем обещание незавершенности, парадоксальности, открытости проблем, от которых не убежишь. Каким образом соединить достопочтенную тяжелую энциклопедию — монумент всеобщего образования — с чем-то таким аморфным, летучим и не поддающимся рациональному восприятию, как душа? И вдобавок русская? (...) В структуре книги выражается одна из тех черт, которые Ерофеев приписывает России и ее жителям. Это аморфность, вечная дезорганизация. Россия чужда форме, она есть опровержение аристотелевской метафизики (...). Этот недостаток, увечье движет историей России, которая, вытекая из того, чего нет, сама оказывается нехваткой. Воистину у Ерофеева есть нечто общее с Петром Чаадаевым, который первым открыл горестную неисторичность России».

Это не единственное родство, которое находит Богун в рассматриваемой им книге:

«Чтение Ерофеева в особенности вызывает ассоциации с последним произведением Розанова — «Апокалипсисом нашего времени» (1919). В обоих случаях перед нами трагикомическое описание конца России. (...) Розанов увидел мощь апокалипсиса, когда Россия, вопреки известному решительному пророчеству, производила революцию в одной стране. Ерофеев идет по его следам, хотя уже сознаёт, что революция — это только видимость, а на самом деле можно ожидать лишь конца: «Обещанный конец света начался в одной стране». Но дела не так плохи, как это могло казаться его религиозно настроенным соотечественникам первых десятилетий прошлого века. С перспективы конца XX века ужас Розанова и его современников попросту наивен. Мы привыкли, что мир кончается каждый день, и «никто не предупреждает о конце света. Можно пожить и без света». Можно даже на малых оборотах, хотя русским этого скандально недостает. Действительность обнаруживает свой иллюзорный характер: иллюзорная страна с иллюзорным лидером, правительством, парламентом. Россия — это «украденная отчизна», от которой остались всего лишь «фрагменты географии». Если бы не осколки, занимающие четвертую часть земного шара, то она совершенно не заслуживала бы внимания. И снова явное обращение к Чаадаеву: Россия — это только география, истории русские не знают и не имеют по хронической склонности забывать. А значит, чистая фикция: только карта, очертания страны в форме растянутой гармошки — все остальное из-под людей вытащили, словно истертый матрац. (...) И опять в глубине появляется шутовское отчаяние Розанова, у которого в русской *divina commedia* наступает столь же пронзительный финал (...). Россия всегда была повестью из слов, колотящих по печальным головам. Великим анекдотом, по внутреннюю сторону которого живет ее население. Российское остроумие всегда говорит об одном: о России и ее метафизическом абсурде: «невоплощенном существовании». Из такого состояния (...) нет возможности выбраться. Россия останется фикцией. Заколдованный круг русской судьбы — отсутствие истории».

Читаю эти слова и слышу эхо «Поэтического трактата» Милоша, который писал, что у нас «историчность суть уничтожает». С другой стороны, в голове гудит захватывающий ритм «Скифов» Блока. Пожалуй, все это не так просто, думаю я и продолжаю делать выписки из статьи Богуна, который пишет о переменах, происходящих в России, и о том, как их видит Ерофеев:

«Россия останется фикцией. Современные преобразования, эти невероятные усилия сделать ее обычной страной по европейскому образцу, — тоже иллюзия. Заколдованный круг русской судьбы — отсутствие истории. Преобразования оказываются переходом от строя, которого не было («социализм — это в Швеции»), в довольно неопределенном направлении, а в целом, неизвестно куда и зачем. Но в России этот вопрос задавать не надо, ибо, когда появится ответ, самой страны уже не будет. И это касается отнюдь не только 90 х годов. История России — это неустанные перемены, разрыв с прошлым, которого нет, и начинание сказочки сначала во имя будущего, которого не будет».

Здесь возмущается мое чувство логики: Богун пишет об истории России, которой якобы нет, — о чем же он тогда пишет? Почитаем дальше:

«Россия — это попросту «цепочка неудавшихся реформ». Ее история — это футбольный матч между командами Европы и Азии. (...) В конце концов выигрывает Азия — благодаря отличной «централизации» при Сталине и пренебрежению вопросом при Ельцине, который в последний момент растерялся (видимо, по склонности к злоупотреблению крепкими напитками), не зная, на какой стороне футбольного поля ему играть. Но проблема лежит гораздо глубже, не только во внешнем слое борьбы европейства с азиатчиной. Дело в том, что история России кончилась, толком не успев начаться. (...) Метафизическое зачатие России — «небытие». Только оно описывает проклятую диалектику «все или ничего», которая изнутри сдает ее жителей. Между тоской по бесконечности и сознанием собственного ничтожества нервно вздрагивает параноидальная русская душа. Русский же — это «всечеловек», феномен незавершенный, хоть и состоит из «ничего». Он считает, что ему принадлежит весь мир, и одновременно избавляется от всего. Он смиренен и считает, что это смирение дает ему право управлять миром. Перед всем он становится на колени, распластывается даже перед супом, но делает это во имя собственной мощи. Составленный из взаимоисключающих свойств, величия он достигает в саморазрушении. Перед лицом «небытия» единственной реальностью остается сказка. Россия, если она вообще есть, — это сказка, зачарованный мир, зачатый словами».

Наконец, описав прочитанное, автор статьи переходит к попытке оценки:

««Энциклопедия русской души» использует целый каталог схем и стереотипов мышления об истории и культуре России,

что позволяет воспринимать ее как тонкое пародирование основных понятий русской философско-религиозной мысли. Здесь отчетливо звучит далекое эхо ключевых ее категорий: «всеединство», «монодуализм» и «соборность». Ерофеев намекает на них или прямо их использует, как и многие другие слова и идеи, важные в русской духовности, чтобы с их помощью очертить ведущую в его книге мысль: бунт сознательной личности против гнетущей власти множества в его коллективистском, государственно-национальном аспекте. Таким образом, это уже известное повествование о попытке личности сохранить индивидуальность и чувство приличия перед лицом серости толпы, скрывающейся за дымовой завесой «национального народа», государственного единства или возносящейся к небу «соборности». (...) Книга Ерофеева — метафизический трагифарс, описание России *in statu nascendi*. Это роман о том, как нация — сообщество, создаваемое сознательными личностями, — вылупляется из «национального народа», т.е. из господства серой толпы, которая характеризуется многовековым, окаменелым бездумьем и бездействием. Это рассказ о единоборстве личностей с собственным наследием, с духовной и умственной атмосферой, которая подспудно и деспотически определяет их жизнь. Получающаяся картина и страшна, и смешна. «Горький вкус на устах — основной вкус отчизны». Но это не картина настоящей России, ибо таковой — как мы знаем — нет. Это лишь зачарованная страна, сказка, государство-фантазмагория, изодранная карта, закрывающая большой кусок света. В этом смысле можно сказать, что Ерофеев описывает не окружающую его действительность, а спутанное содержимое голов и сердец своих соотечественников. Таким образом, перед нами внутренний портрет России. (...) Дело в том, что такое описание возникает лишь под пером тех, кто не дает поглотить себя повседневности и тирании заурядности, кому везде и всегда хорошо, ибо они слишком сильно ощущают свою чуждость стадным стандартам и массовым инстинктам».

После чтения одного «внутреннего портрета» России стоит посмотреть на ее портрет, сделанный извне. Польский читатель может найти его в только что вышедшей книге прекрасного переводчика русской поэзии Адама Поморского «Скептик в аду. Из идейной истории русской литературы». Во вступлении автор пишет:

«Нигде столь строго, как в аду, социальное бытие не определяет сознание. Однако, пожалуй, сенсацией в культурном кругу Европы Нового времени стала российская традиция восприятия собственного государства как ада. Притом это

традиция упорная, сохраняющаяся поверх поколений, поверх государственных устройств, родившаяся, вероятно, одновременно с Россией Нового времени. Ее истоки можно искать в религиозных движениях, которые в ответ на реформы Патриарха Никона привели в середине XVII века к возникновению раскола. Пожалуй, тогда-то в глазах части жителей Московии официальная действительность приобрела дьявольский вид. (...) Несколько десятилетий спустя, при Петре I, с царствования которого начинается история России Нового времени, уже во всем государстве — а не только в Церкви — произошла не просто реформа, а гигантская цивилизационная революция».

Что из этого вытекло и по сей день вытекает, Поморский прослеживает в сочинениях великих русских, от Пушкина до Бродского. Наконец, заслуживает цитирования и последняя глава — «Слово — это артефакт (выход из советизма)»:

«В необычайно творческий период русской культуры, под давлением брежневских лет была создана русская неофициальная культура: ввиду ее открытости и силы стилистического инстинкта после этой художественной формации, под конец века самой влиятельной и управлявшей мнениями, труднее было вернуться назад и заново замкнуть самое культурную Россию в идеологизированном непрофессионализме и политизированном провинциализме умственной и художественной жизни. А потом произошло то, о чем мы сегодня, сто и тысячу лет спустя, знаем гораздо больше, чем знали современники. Однако разыгралось это в сфере так называемой тогда политики — отнюдь не культуры. Культура осталась растраченным шансом — для России и для мира».

Красивая сказочка? На мой взгляд столь же красивая, как та, что рассказывает Ерофеев. Но жизнь — не сказка, и потому взглянем на реалии, как делает это Мартин Круль, который, посмотрев кинофильм Александра Сокурова «Русский ковчег», напечатал в краковском **«Тыгоднике повшехном»** (2004, №8) фельетон под названием «Россия — демократическая или патерналистская?». Он пишет:

«Россия Путина опять начинает напоминать царскую Россию — в варианте в меру просвещенном. Россияне будут вести разговоры о направлении своего развития еще долго, и не наша обязанность чрезмерно вмешиваться в эти дебаты, тем более что влияние Запада, а уж наверняка Польши, ограничено, иногда же может привести к реакции, обратной задуманному. Нам и всему миру — неприятно это говорить, когда у нас так много друзей среди российских демократов, — важно, чтобы

Россия была предвидимой и стабильной. Поэтому не надо ожидать, что мир станет прилагать особые старания к тому, чтобы в России восторжествовала демократия. Ибо сейчас возникла третья возможность: Россия, открытая к торговым контактам с Западом, разумная в международных делах и патерналистская во внутренних отношениях. Это плохо для демократии, но мало кому из политиков в мире такая конфигурация мешает. А также сравнительно мало кому из либеральных демократов, которые издавна (по крайней мере со времен недвусмысленных высказываний о варварстве России, сформулированных Джоном Стюартом Миллем в середине XIX века) сомневаются, лежит ли в интересах всего мира притворная или полупритворная демократия в России. Есть же немало таких нелиберальных демократий, где существуют положенные институты (прежде всего свободные выборы), но которые на самом деле не демократические и уж заведомо не либеральные страны. Когда речь идет о небольших странах, это сравнительно маловажно, однако в случае такой державы, как Россия, это имеет огромное значение. Поэтому не будем чересчур изумляться ни поддержке, оказываемой Путину, ни его мало демократическим решениям и мерам. Я не хочу сказать, что Россия это заслужила или что такова неизбежно ее судьба, но пока что трудно себе представить другую Россию, тем более что мир это не тревожит».

Все это звучит цинично, но что поделаешь...